

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Национальный исследовательский университет
Пермский филиал

Каравая Юлия Станиславовна

**СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ РОССИИ**

Учебное пособие

Пермь
2020

УДК 343.22

ББК 67.408

К 21

Рецензенты:

Д. В. Носов, кандидат юридических наук, директор правового департамента администрации губернатора Пермского края, доцент кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета

О. А. Буркина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

К21 Караваяева Ю. С. Субъект преступления в уголовном праве России: учеб. пособие. – Пермь: Издательство «Миг», 2020. – 120 с.

ISBN 978-5-6043767-3-7

В учебном пособии систематизируется учебная и научная литература, раскрывающая вопросы института субъекта преступления по действующему уголовному закону РФ, включая вопросы квалификации. Рассматриваются вопросы становления понятия субъекта преступления в отечественном праве, особенностей уголовно-правовой регламентации его общих и специальных признаков, а также соотношение с понятием личности преступника. Адресовано студентам, обучающимся по направлению подготовки «Юриспруденция», а также всем, кто интересуется современными проблемами уголовного права.

Ответственность за точность приведенных данных,
аутентичность цитат, а также за соблюдение законов
об интеллектуальной собственности несет автор

ISBN 978-5-6043767-3-7

© Караваяева Ю. С., 2020

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2020

© Изд-во «Миг» (ИП Хусид Д. Г.), 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ	4
ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	6
1.1. Субъект преступления по российскому законодательству дореволюционного периода	6
1.2. Субъект преступления по законодательству Советской России	23
ГЛАВА 2. ИНСТИТУТ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК РФ 1996 ГОДА	34
2.1. Понятие и уголовно-правовое значение субъекта преступления	34
2.2. Физиологичность как признак субъекта преступления	38
2.3. Вменяемость как признак субъекта преступления	44
2.4. Возраст как признак субъекта преступления	61
2.5. Соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника»	68
ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК РФ 1996 ГОДА	74
3.1. Понятие специального субъекта преступления по УК РФ 1996 года	74
3.2. Виды специального субъекта преступления по УК РФ 1996 года	83
3.3. Уголовно-правовое значение института специального субъекта преступления	89
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	99
ПРИЛОЖЕНИЯ	112

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

Изучение дисциплин уголовно-правового цикла в рамках университетской программы предполагает усвоение элементарного терминологического аппарата, осмысление взаимосвязей между важнейшими категориями уголовного права и криминологии, приобретение навыков использования указанных знаний в практической деятельности.

Традиционно считается, что центральными категориями уголовного права являются категории преступления и наказания. Такой подход соответствует позиции законодателя, положившего эти категории в основу структуры Общей части действующего уголовного закона. Вместе с тем понятие субъекта преступления оказывается связано и с преступлением, и с наказанием.

Рассматривая преступление как поведенческий акт отдельно взятого индивида, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью учета особенностей последнего и в целях применения норм уголовного закона, и в целях криминологического изучения причин конкретного деяния, механизма индивидуального преступного поведения, а также индивидуального предупреждения преступной деятельности. Наказание как акт порицания обществом и государством также оказывается связано с особенностями лица, совершившего преступное деяние, посредством институтов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Следовательно, значение института субъекта преступления для теории и практики сложно переоценить, равно как и связанного с ним института специального субъекта преступления.

Пособие содержит ключевые понятия, устоявшиеся выражения, позволяющие представить изучаемый объект в целостном виде. В процессе разработки учебного пособия научный и учебный материал, а также материалы правоприменительной практики были подвергнуты обобщению, структурированию в целях наиболее полного рассмотрения тематики работы.

Учебное пособие может быть полезным как при подготовке к прослушиванию лекционного материала и практическим занятиям, так и для восстановления в памяти основных положений изложенного курса в процессе подготовки к аттестации по предмету «Уголовное право».

Автором пособия произведена попытка сбора и систематизации имеющейся учебной и научной литературы, которая в максимально полном объеме раскрывает вопросы института субъекта преступления по действующему уголовному закону Российской Федерации, включая вопросы квалификации, а также ретроспективного анализа становления данного института. Кроме того, при изложении материала использованы действующие разъяснения высшей судебной инстанции по отдельным видам преступлений со специальным субъектом (постановления Пленума Верховного суда РФ), а также материалы судебной практики, связанные с применением норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса России в области рассматриваемой тематики.

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

1.1. Субъект преступления по российскому законодательству дореволюционного периода

Период Древней Руси в истории русского уголовного права связан с такими нормативными правовыми актами, как Русская Правда (в ее краткой и пространной редакциях), Псковская и Новгородская судные грамоты. В целом исследователи единогласны во мнении, что Русская Правда ознаменовала собой переход от мести к наказаниям, преимущественно денежного характера («композициям»¹). Русскую Правду принято называть памятником феодального права, что прежде всего обосновывается прямым отражением процессов общественной дифференциации на законодательной регламентации мер уголовного наказания, поскольку размер денежного взыскания (виры) зависел от сословной принадлежности потерпевшего. Как отмечал А. Ф. Бернер, «как конь был дороже служилому человеку его собаки, так и служилый человек был дороже князю простого людина или холопа»².

Как отмечает В. Г. Павлов, «из текста Русской Правды нельзя выявить необходимые признаки, характеризующие то или иное лицо как субъект преступления (лица, совершившего преступное деяние): его возраст, вменяемость и что его мог совершить только человек, хотя это вытекает само по себе из смысла самого закона»³. Вместе с тем анализ признаков отдельных преступных деяний позволяет говорить о том, что в качестве субъектов преступления по нормам указанного документа выступали феодалы, городские люди и феодально зависимые крестьяне, при этом в зако-

¹ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная : в 2 т. СПб., 1865. Т. 1 : Часть Общая. С. 168.

² Там же. С. 169.

³ Павлов В. Г. Субъект преступления. СПб., 2001. С. 28.

не отсутствовала норма, определяющая общие признаки субъекта – они указывались при формулировании конкретных составов преступлений. Вместе с тем в краткой редакции можно обнаружить первые признаки дифференциации ответственности в зависимости от статусно-ролевых характеристик виновного и его жертвы. Так, было установлено денежное наказание за укрывательство сбежавшего челядина варягом или колбягом (ст. 11). Абсолютно определенный характер санкции при этом («3 гривны за обиду») свидетельствует о том, что при назначении наказания не учитывались ни личность преступника, ни характер и степень общественной опасности совершенного преступления, ни смягчающие и отягчающие обстоятельства⁴. В пространной редакции Русской Правды круг субъектов с уголовно значимыми статусно-ролевыми признаками расширяется за счет отнесения к ним господина, злоупотребившего насилием в отношении закупа (ст. 62), и смерда за самоуправство в отношении других смердов (ст. 78). Обе нормы предусматривали денежное наказание в виде штрафа князю, причем в первом случае его размер не определен, т. е. санкция являлась абсолютно неопределенной. Во втором случае виновный обязан был уплатить 3 гривны штрафа князю и 1 гривну кун пострадавшему «за муку»⁵.

По нормам Русской Правды, несвободные люди (холопы) являлись, как правило, не субъектами, а объектами преступлений. Исключение составляли случаи причинения вреда холопом свободному человеку. Отмечается, что «нормами обычного права определялась ответственность хозяина за преступления холопа. Статья 46 Пространной Правды устанавливает двойную ответственность господина за татьбу, совершенную его холопом, что, безусловно, соответствует патриархальному характеру рабства в Киевском государстве»⁶.

⁴ Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания. М., 2012. С. 35.

⁵ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 68–69.

⁶ Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси : монограф. М. : Юридический институт МИИТа, 2005. С. 158.

Для рассматриваемого периода характерно также наличие норм коллективной ответственности: речь идет об обязанности общины (верви) выплатить «дикую виру» (денежное взыскание в пользу потерпевшего) за преступление, совершенное одним из ее представителей. Как отмечается, «дикая вира существовала в двух ипостасях – в виде круговой поруки и в виде договора. В первом случае дикая вира выплачивалась общиной, когда на ее территории было совершено убийство или другое преступление, а община не предприняла мер к розыску преступника»⁷.

Общественно-политическое своеобразие Пскова и Великого Новгорода выражается в их характеристике как «феодалных республик в их аристократическом варианте»⁸. Специфика заключалась в том, что среди субъектов, участвовавших в республиканском управлении, наиболее заметная роль принадлежала выборному коллегиальному органу – вечу, а в Новгороде также руководителю церкви, владыке и боярскому совету.

Указанная специфика нашла свое нормативное отражение, причем если Псковская судная грамота «не знала социальной дифференциации в применении права»⁹, то Новгородская устанавливала различную ответственность с учетом сословной принадлежности субъекта преступления. Иными словами, в качестве субъектов преступления, по Псковской судной грамоте, выступали все свободные люди, а также феодально зависимые крестьяне, тогда как о холопах положения документа не говорят вообще.

Из анализа положений Новгородской судной грамоты следует, что специальные признаки субъекта закреплены в норме ст. 6, устанавливающей ответственность истца за наведение наводок на суд, т. е. за клевету в отношении должностных лиц, отправляющих правосудие. При этом размер наказания определяется в зависимости от сословного положения истца: «... ино взять Вели-

⁷ Амплеева Т. Ю. Указ. соч. С. 72.

⁸ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 17.

⁹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформы. СПб., 2001. С. 67–68, 70.

ким Князем и Великому Ноугороду на виноватом на боярине 50 рублей, а на житеем дватцять рублей, а на молодшем десять руб. за наводку; а истцю убытки подоймет»¹⁰.

В научной литературе, посвященной истории русского права, указывается на обстоятельства, учет которых предрешил градацию размеров наказаний в Новгородской судной грамоте: по мнению О. В. Мартышина, «во-первых, обращение знатного горожанина к преступной деятельности казалось особо непристительным; во-вторых, для соблюдения равной тяжести наказания для различных слоев населения следовало соизмерять денежное взыскание с состоянием преступника»¹¹.

Впервые нормы Псковской судной грамоты запрещали «тайный посул» князю или посаднику (ст. 4), однако не устанавливали ответственность за это. К другим категориям преступников, особо выделяемых положениями судной грамоты, можно отнести родственников – сына и брата, совершивших насильственные деяния в отношении отца и брата соответственно, что наказывалось «продажей» – денежным штрафом в пользу князя.

В нормах рассматриваемого закона отсутствуют сведения о сословной принадлежности виновных лиц в части определения им размера наказания. Вместе с тем «наиболее жесткой являлась санкция, устанавливавшая ответственность в отношении волостеля – должностного лица, осуществлявшего правосудие. В качестве такового выступали высшие должностные лица республики – князь, сотские, посадники»¹². Это обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, о действительно ограничивающем характере их правового статуса, предписывавшего, несмотря на высокое положение, обязанность придерживаться закона, с другой – о том, что наряду с судом светским в системе правосудия респуб-

¹⁰ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 312.

¹¹ Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 291.

¹² Караваева Ю. С. Специальный субъект преступления: криминологический подход : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 5.10.2017 : [место защиты : Ом. акад. МВД РФ] / Юлия Станиславовна Караваева. Омск, 2017. С. 77.

лики функционировал и суд духовный. Если применительно к последнему профилактическую функцию выполняли сами религиозные заповеди, то светский суд оказывался беззащитным перед корыстью и алчностью своих должностных лиц. Запрет взяточничества в связи с этим можно воспринимать как гарантию законности правосудия. Особое отношение к правосудию, кроме того, усматривается из специальных запретов противоправных действий участников судопроизводства: истца и ответчика. Это указывает на формирование системы преступлений против правосудия.

Как видим, институт субъекта преступления в законодательстве Древней Руси был образован нормами, содержащими описания отдельных деяний – отсутствовало самостоятельное нормативное положение с указанием на возраст ответственности и особенности психического состояния. Вместе с тем, как предполагает В. Е. Лоба, психически нездоровые лица, совершившие общественно опасные деяния, передавались под опеку церкви, освобождаясь при этом от ответственности¹³.

Нормы уголовного права периода Московского государства (XIV–XVII вв.) сосредоточены в таких крупных законодательных актах, как судебники 1497 и 1550 гг. («Судебники Царя и Князя»¹⁴), Соборное уложение 1649 г.).

Рассматриваемый исторический период является важнейшим для развития российской государственности. Современные авторы характеризуют его как время «возникновения самодержавия <...> складывания гармоничных, насколько это вообще возможно, взаимоотношений между государством и Церковью, формирования четкой социальной структуры, создания общего экономического пространства, присоединения новых территорий и усложнения национального и религиозного состава населения, пре-

¹³ Лоба В. Е. Сравнительно-правовой анализ субъекта преступления по «Русской Правде» и УК РФ 1996 года // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 2. С. 82–87

¹⁴ Бернер А. Ф. Указ. соч. С. 184.

вращения России в крупнейшую евразийскую державу. Но самое главное <...> был преодолен период удельной раздробленности русских земель и в результате объединительных устремлений образовалось единое Русское государство»¹⁵.

А. Ф. Бернер в своем исследовании рисует картину не общегосударственных свершений эпохи, а обстоятельств, раскрывающих всю ее тяжесть: «... густая сеть кормленщиков и прочих правительственных чиновников покрыла все владения Московского государства. С одной стороны, кормленщики смотрели на вверенные им области как на подножный корм; с другой стороны, народ не мог, конечно, уважать такой институт чиновников, в основе которого лежало начало кормления и разорения жителей края <...> вся деятельность народа сосредотачивается (имеется в виду народная юстиция – Ю. К.) в руках дьяков. Отсюда страшное взяточничество и лихоимство. Суд все более и более становится крив, а не прав»¹⁶.

Процессы централизации государства потребовали от московских князей твердой и жесткой политики, направленной и против «вольного» чиновничества, и против народа. Этим объясняется специфика законодательных актов, с одной стороны, запрещающих злоупотребления по службе под страхом сурового наказания, а с другой – стремящихся пресечь любые формы инакомыслия также посредством репрессий¹⁷.

Расширив круг преступных деяний и специальных субъектов их совершения, судебники 1497 и 1550 гг. отразили трансформацию отношения государственной власти к наказанию: она отказалась от идеи обогащения за счет денежных штрафов, но безоговорочно признала наказание эффективным инструментом собственного укрепления.

¹⁵ Рожнов А. А. История уголовного права Московского Государства (XIV–XVII вв.) : монограф. М., 2012. С. 3.

¹⁶ Бернер А. Ф. Указ. соч. С. 185.

¹⁷ Караваева Ю. С. Учет статусно-ролевого положения субъекта преступления в целях дифференциации уголовной ответственности по законодательству Московского государства (XIV–XVII вв.) // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия : Экономика и право. № 3. 2018. С. 555–560.

Одной из отличительных черт судебныхников 1497 и 1550 гг. стал принцип всесословности¹⁸, предполагавший равный подход к применению мер наказания, в силу чего «цари совершенно равноправно пороли и тех и других (бояр и простолюдинов – Ю. К.) на своих конюшнях»¹⁹. Вместе с тем за преступления по службе наказания дифференцировались в зависимости от служебного статуса виновного лица, а в отдельных случаях влекли назначение двойного наказания – непосредственно виновному и должностному лицу, ответственному за него. Различия в размерах наказания были характерны и для бесчестья – денежного взыскания за обиду, шедшего в пользу частного лица, уплачиваемого «смотря по доходу, по званию, должности и сословию обиженного»²⁰.

В основе назначения наказаний лежало начало равенства, которому совсем не противоречил принцип дифференциации тяжести наказания. Согласно мысли законодателя, реализацией равенства являлось применение всех видов наказания, включая телесные его виды и смертную казнь, независимо от социального статуса виновного²¹.

Наряду с очевидно выделявшейся фигурой специального преступника, нормы судебногоника 1497 г. регламентировали ответственность так называемого «ведомого лихого человека», дифференцируя наказания по критерию принадлежности преступника к указанной категории. При этом, как отмечается, «под «ведомыми лихими людьми» судебник подразумевает эксплуатируемых крестьян, боровшихся с феодалами путем организации разбойничьих шаек. Понятие «лихой человек» применялось и к профессиональному преступнику»²².

Помимо этого, законодатель выделял и иные категории преступников, а именно «государский убийца» – убийца своего гос-

¹⁸ Рожнов А. А. Указ. соч. С. 126.

¹⁹ Бернер А. Ф. Указ. соч. С. 189.

²⁰ Там же. С. 190.

²¹ Караваева Ю. С. Указ. соч. С. 555–560.

²² Арзуманян А. А. Историческое развитие понятия субъекта преступления в уголовном законодательстве России X–XVII веков // Вестник СГАП. № 5 (75). 2010. С. 124–127.

подина, «крамольники» – уличенные в противоправительственной деятельности церковные воры²³, «головные» воры – уличенные в воровстве люди, «подметчики» – лица, уличенные в подмете, т. е. в подбрасывании поличного с целью обвинить невиновного в татьбе, поджигатели, воры, уличенные в двоекратной краже²⁴.

Важно, что по нормам указанного документа холоп впервые приобретает статус лица, обязанного отвечать за свои общественно опасные действия (бездействие).

Принятие судебника 1550 г. ознаменовало собой сохранение тенденции усиления ответственности должностных лиц и лиц, виновных в совершении преступлений против государственной власти, перечень которых, что характерно, был расширен. Указанные особенности отражают процессы централизации государства и укрепления власти монарха.

Период Московского государства завершился принятием в 1649 г. Соборного уложения. В целом данный закон продолжал линию уголовной политики, начатую судебниками 1497 и 1550 гг., поскольку «главнейшим моментом» в преступлении являлся факт ослушания, сопротивления, неповиновения лица установленным требованиям»²⁵. В то же время предшествовавшие принятию этого закона социально-политические события потребовали ее ужесточения в силу острой необходимости легитимации власти монарха и его политики.

А. Ф. Бернер дал следующее описание обстановки принятия данного документа: «Время это (имеется в виду Смутное время конца XVI – нач. XVII вв. – Ю. К.) развратило сильно и бояр, и народ. Само значение власти начало колебаться. Еще более содействовал этому период междоусобия. Народ московский стал

²³ Прим.: другие авторы относят к крамольникам лиц, совершивших преступление против государственной власти (см. напр. : Подосенов О. П. Уголовное право России XVI–XVII веков. Понятие и виды преступлений. Красноярск, 2001. С. 7).

²⁴ Арзуманян А. А. Указ. соч. С. 124–127.

²⁵ Чебышев-Дмитриев А. О. О преступном действии по русскому, допетровскому праву. Казань, 1862. С. 190–191.

нагл и дерзок. Он чувствовал, что в нем ищет опоры даже самый трон. Вот почему он являлся не заискивающим перед властью, а требующим от нее удовлетворения нахрапом, силой... Власть должна была показать народу, что она требует рабского повиновения...»²⁶. Об этом же говорил Н. С. Таганцев: «Уложение должно было водворить порядок на Руси, дать суд правый и равный, освободить народ от разорявших его судебных волокит и судейской неправды, установить единство права во всем государстве»²⁷.

Впервые в нормах Соборного уложения 1649 г. получает свое закрепление определение преступного деяния и, несмотря на отсутствие легальной дефиниции понятия субъекта преступления, анализ положений документа позволяет отнести к нему любого человека, вне зависимости от его статусно-ролевого положения. Как отмечается, «на господина возлагалась обязанность представлять на суды их холопов и крестьян, совершивших преступления, а в противном случае они подвергались наказанию и у них отбирались поместья»²⁸. Вместе с тем заинтересованность государства прежде всего в сохранении и укреплении самого себя выразилась в особом порядке расположения глав уложения и адресации большого количества норм лицам, находящимся на государственной службе – чиновникам различного уровня и компетенции. Таким образом, круг специальных субъектов преступления образован по большей части различными видами должностных лиц.

Следует обратить внимание на тот факт, что нормы Соборного уложения 1649 г. не исключали ответственность коллективного субъекта. Так, «пеня по 5 руб. с человека возлагалась на членов особой юридической единицы – десятка – в черных сот-

²⁶ Бернер А. Ф. Указ. соч. С. 196–198.

²⁷ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. С. 144.

²⁸ Арзуманян А. А. Указ. соч. С. 124–127.

нях и слободах, когда в десятке появлялось продажное питье и табак или воровство»²⁹.

Важно, что так же, как и нормативные источники предшествующего исторического периода, рассмотренные документы не содержали указания на возраст привлечения к ответственности и особенности психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние. Вместе с тем, как отмечает В. Е. Лоба, «имеющиеся источники XVII в. свидетельствовали о наказании восьмилетнего»³⁰. Что касается лиц с психическими заболеваниями, то отмечается появление в Соборном уложении 1649 г. нормы о невинности «бесных», совершивших убийство³¹.

Следующий исторический этап развития отечественного законодательства связан с принятием Артикула воинского 1715 г. Действующий наряду с Соборным уложением 1649 г., Артикул предназначался для регламентации вопросов военно-уголовной юрисдикции. Однако на практике он применялся не только в военных, но и в общих судах, что дает право рассматривать его в качестве общегосударственного уголовно-правового закона. Помимо Артикула воинского, действовало большое количество других уголовно-правовых актов³².

А. Ф. Бернер характеризует особенности законотворчества Петра I следующим образом: «...главное внимание законодательства централизуется на действиях, самих по себе вовсе не преступных <...> идея преступления в эпоху Петра была не правонарушение, не безнравственность поступка, а просто – неискоренность в делах государевых»³³. Отсюда вытекает казуистическое закрепление в Артикуле всех возможных нарушений воинской дисциплины и других нарушений военной службы при полном отсутствии положений, регламентирующих понятия престу-

²⁹ Арзуманян А. А. Указ. соч. С. 124–127.

³⁰ Лоба В. Е. Указ. соч. С. 82–87.

³¹ Спасенников Б. А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1–2 (53–54). С. 37–43.

³² Прим. : П. С. Ромашкин в своем исследовании говорит о 392 таких указах (Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16).

³³ Бернер А. Ф. Указ. соч. С. 235, 242.

пленения, наказания, лица, совершившего деяние, и т. д. Анализ данных положений Артикула воинского 1715 г. показывает, что ввиду специфики военно-уголовных отношений, регулированием которых изначально ограничивалось действие этого закона, и субъекты, и их деяния, и меры уголовно-правового воздействия на них являлись специальными.

Вместе с тем именно в указанный период впервые специально обращается внимание на лиц, страдающих психическими болезнями и совершивших общественно опасное деяние. Так, Б. А. Спасенников отмечает, что начиная с 1761 г. предписывалось «Безумных не в монастыри отдавать, но построить на то нарочитый дом, как на то обыкновенно и в иностранных государствах учреждены доллгаузы»³⁴. Однако, ввиду отсутствия указанных учреждений, данная категория лиц по-прежнему передавалась под опеку церкви (монастырей). Отметим, что доллгаузы все-таки появились в России, но позже – при Екатерине I. И представляли собой совершенно необорудованные лечебницы, в которых «кроме решеток на окнах никаких приспособлений для лечения не было»³⁵.

На протяжении всего XVIII в. можно было наблюдать противоречивые тенденции в уголовном праве и уголовной политике государства: с одной стороны, народные возмущения и гражданская война 1770-х гг. под предводительством Емельяна Пугачева «вызвали преимущественное внимание правительства к карательно-правоохранительному и местному административному аппарату государства»³⁶, с другой – в общественно-политическую мысль России проникают гуманистические идеи европейского Просвещения, влияние которых выражается, в частности, в организации деятельности по кодификации уголовного закона и составлении Екатериной II текста Наказа Уложенной комиссии 1767 г.

³⁴ Цит. по: Спасенников Б. А. Указ. соч. С. 37–43.

³⁵ Там же. С. 37–43.

³⁶ Сизиков М. И. История государства и права России с конца XVIII до начала XIX века : учеб. пособие. М., 1998. С. 109.

Пагубное влияние гуманистических идей на сами основы абсолютизма осознаются российским правительством на примере западно-европейских государств, поддавшихся освободительным движениям и революциям. Несмотря на это, дальнейшее развитие русского уголовного права идет по пути постепенной гуманизации основных институтов³⁷. Указанные процессы не могли не отразиться на содержании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ставшего венцом многолетней кодификационной деятельности.

Положения, направленные на регламентацию признаков субъекта преступления (при отсутствии легальной дефиниции термина и неиспользовании его в тексте закона вообще), располагались в главе «Об определении наказаний по преступлениям». Так, к причинам, «по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину», законодатель относил, в частности, «малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния», и «безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство»³⁸.

Так, «юношеский возраст был поделен на 3 основных периода: 1) до 7 лет (период безусловной невозможности привлечения к уголовной ответственности); 2) от 7 до 14 (освобождение от наказания с передачей благонадежным родственникам для домашнего исправления, а по отношению к детям от 10 до 14 лет «каждый раз должен был быть разрешаем вопрос о наличии или отсутствии у них разума, при отсутствии такового они приравнивались к детям от 7 до 10 лет»); 3) от 14 до 21 года (юный

³⁷Караева Ю. С. Дифференциация уголовной ответственности за преступления со специальным субъектом по Артикулу Воинскому 1715 г. и Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4 (35). С. 113–120.

³⁸ Ст. 98. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург, 1845 [Электронный ресурс]: URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=1> (дата обращения: 18.11.2019)

возраст являлся обстоятельством, смягчающим ответственность, даже при действии лица «с полным разумением»)»³⁹.

Что касается психического состояния, то выделялись два типа невменяемости: «1) невменяемость, происходящая от ненаступления надлежащего психического развития, и 2) невменяемость, происходящая от потери лицом достигнутого уже им надлежащего психического развития»⁴⁰.

Вообще следует отметить, что для XIX в. характерен своеобразный «прорыв» в отношении института субъекта преступления. Так, например, именно во второй половине XIX в. В. Д. Спасович, Н. А. Неклюдов стали употреблять термин «субъект преступления»⁴¹. Кроме того, в трудах отечественных ученых получает свое развитие концепция вменяемости–невменяемости. Характерно, что, несмотря на придание уголовно-правового значения интеллектуальным и волевым качествам субъекта с начала XIX в., сам термин «вменяемость» учеными не использовался до второй половины столетия, когда, будучи введенным в оборот, он понимался неодинаково: «как состояние человека, способность человека, предпосылку вины, уголовной ответственности»⁴². При этом отмечается интересная особенность: понятие невменяемости рассматривали «не в контексте изучения субъекта преступления, а как одну из причин «невменения» деяния – «невменяемости преступления в вину», наравне с необходимой обороной, крайней необходимостью, исполнением приказа или распоряжения. Такой подход к невменяемости в теории уголовного

³⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции : часть Общая. М., 1994. Т. 1. С. 158. Цит. по: Лысенко О. Ю. Философские истоки современного учения о субъекте преступления // Вестник ЯрГУ. Серия : Гуманитарные науки. 2012. № 3 (21). С. 198–200.

⁴⁰ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции : часть Общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 152. Цит. по: Лысенко О. Ю. Указ. соч. С. 198–200.

⁴¹ Молчанов В. А., Анциферова Ю. С. Категории «вменяемость» и «невменяемость» в российском уголовном праве XIX – начала XX века // Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. 2013. № 3 (23). С. 4–8.

⁴² Там же. С. 4–8.

права XIX в. получил название «перечневая система причин невменяемости»⁴³.

Что касается законодательной регламентации положения невменяемых лиц, то нормы Уложения 1845 г. предписывали «в случае совершения «безумными и сумасшедшими» убийства, покушения на убийство или на самоубийство, попытки поджога» заключать их в появившиеся к этому времени «дома для умалишенных»⁴⁴. Отдельным положением устанавливалась обязанность передачи «дряхлых и лунатиков» на попечение в заведения общественного призрения для «бдительного за ними присмотра»⁴⁵.

Из анализа положений закона следует, что основную массу преступных деяний составляют различные формы неповиновения писаным правилам, содержащимся в различных постановлениях и уставах. Иными словами, сущность преступления как нарушения самодержавной воли осталась в неизменном виде с Соборного уложения 1649 г. Вместе с тем парадокс законности в России заключался в том, что при подавляющем количестве положений, посвященных регулированию гражданской службы и частным ее родам, заключенных по должностным преступлениям и преступлениям, связанным с торговым оборотом, было очень незначительное количество: «...тюрьма почти не знала заключенных по преступлениям привилегированных классов»⁴⁶.

Содержание Особенной части Уложения производит впечатление усилившейся борьбы с должностными, профессиональными и торговыми преступлениями. Однако сословный характер наказания проявлялся в законодательном ограничении применения его телесных видов к лицам, изъятым от указанных наказаний, – этот перечень включал представителей высшего дворянского сословия.

⁴³ Молчанов В. А., Анциферова Ю. С. Указ. соч. С. 4–8.

⁴⁴ Спасенников Б. А. Указ. соч. С. 37–43.

⁴⁵ Спасенников Б. А. Указ. соч. С. 37–43.

⁴⁶ Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М., 1960. Т. 1 : 1762–1825. С. 368.

В Уголовном уложении 1903 г. отсутствовала норма, определяющая понятие субъекта преступления, и само это понятие в документе не упоминается вообще. Вместе с тем регламентированы такие признаки субъекта, как его возраст и психическое состояние, а из анализа уголовно-правовых норм следует, что речь идет исключительно о физических лицах. Так, положения ст. 39 Уложения устанавливают условия вменения: «Не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое во время его учинения не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, или бессознательного состояния, или же умственного неразвития, произошедшего от телесного недостатка или болезни»⁴⁷. В зависимости от тяжести совершенного общественно опасного деяния законодатель предписывает либо передавать указанных лиц под надзор родителей или других лиц, изъявивших соответствующее желание, либо помещать в лечебное заведение.

Что касается возраста, то к ответственности не привлекались лица, совершившие деяние в возрасте до 10 лет. Возраст от 10 до 17 лет при условии, что «несовершеннолетний не мог понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками»⁴⁸, являлся основанием для невменения совершенного общественно опасного деяния в вину. При совершении несовершеннолетним в возрасте от 14 до 17 лет тяжкого преступления он направлялся в воспитательно-исправительные заведения, а при невозможности этого – «в особо приспособленные для несовершеннолетних помещения при тюрьмах или арестных домах»⁴⁹.

⁴⁷ Российская Империя. Уложения. Уголовное уложение 1903 года. Ст. 39 [Электронный ресурс]. СПб. : Изд. В. П. Анисимова, 1903. С. 22. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003714958#?page=1> (дата обращения : 18.11.2019).

⁴⁸ Ст. 41 Уголовного Уложения 1903 года [Электронный ресурс]. СПб. : Изд. В. П. Анисимова, 1903. С. 23. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003714958#?page=1> (дата обращения : 18.11.2019).

⁴⁹ Там же. С. 23.

Следует отметить, что положения о вменяемости и возрасте лица размещались в разделе, содержащем также перечень обстоятельств, ныне именуемых исключаящими преступность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость, исполнение приказа или распоряжения и т. д.). Это подтверждает тезис о «перечневой системе причин невменяемости», в рамках которой категория регламентировалась.

Таким образом, вплоть до середины XIX в. отечественный законодатель не считал необходимым закрепление признаков субъекта преступления, избирая, как правило, путь указания на его особый социальный статус при описании преступного деяния. Что касается уголовно-правового значения психического состояния лица, то, несмотря на тот факт, что понятие вменяемости и невменяемости появляется в трудах российских ученых в XIX в., отечественный законодатель задолго до того обратил внимание на лица, чье поведение было сложно назвать рациональным. Считалось, что они одержимы дьяволом (бесами), однако, например, в период Киевской Руси это обстоятельство не препятствовало привлечению их к ответственности за опасные действия. Эта ситуация сохраняется до XVI в., когда положения Стоглава 1551 г. также предписывают обязательность уголовного преследования «бесных» в общем порядке⁵⁰. Решение о невменении совершенных общественно опасных деяний в вину лицам с психическими болезнями появляется в законодательстве XVII в., а в XVIII наличие психического заболевания рассматривается в качестве смягчающего наказание обстоятельства либо исключаящего ответственность вообще⁵¹. В дальнейшем категории «вменяемость» и «невменяемость» начинают разрабатываться учеными, однако употребляются не в отношении субъекта, а в отношении совершенного деяния: «проводится деление содеянного на вменяемые преступления и невменяемые деяния»⁵².

⁵⁰ Цит. по: Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве. Орел, 1994. С. 21.

⁵¹ Там же. С. 21.

⁵² Там же. С. 22.

В российской дореволюционной науке уголовного права указанные категории рассматривались сквозь призму учения о свободе воли. Справедливо отметить, что это вполне соответствовало представлениям зарубежных ученых рассматриваемого периода и основывалось на философских подходах к определению воли и мышления, а также к разнице их соотношения, существовавшей между сторонниками кантианства и гегельянства. Как отмечает Г. В. Назаренко, «среди русских криминалистов свобода воли длительное время признавалась основным критерием вменения и вменяемости»⁵³. Подобный подход, основанный на учении о свободе воли, именуют индетерминистским, поскольку именно свободная воля отдельного человека и его разум (мышление) объявляются причинами совершенных поступков, и в частности преступлений.

Вместе с тем наряду с индетерминистским взглядом на человеческое поведение формируется противоположное направление, получившее название детерминистического, в рамках которого обосновывалась причинность, внешняя обусловленность поведения индивида. Философской основой данного подхода явились труды Д. Юма, Дж. Милля и некоторых иных ученых. Среди российских правоведов к сторонникам детерминистического обоснования следует отнести прежде всего Н. С. Таганцева, который, утверждая тезис о личностном субъективизме в оценке собственного поведения, ссылаясь на поведение лиц с психическими расстройствами (душевнобольных), убежденных в адекватности своего поведения⁵⁴.

Рассуждения о соотношении свободы воли и совершенного преступления не только имели теоретическое значение, но и нашли прямое отражение в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В частности, предусматривая пе-

⁵³ Назаренко Г. В. Указ соч. С. 7.

⁵⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции : часть Общая : в 2 т. М., 1994 : Т. 1 – 419 с.
Т. 2 – 393 с.

речень обстоятельств, наличие которых препятствует вменению деяния, законодатель ориентируется на идею свободы воли и преступления как ее проявления. С учетом этого в данный перечень были включены наряду с душевными болезнями и малолетним возрастом такие обстоятельства, как правомерная оборона, крайняя необходимость и т. д.

Дальнейшая законодательная эволюция понятия невменяемости связана с принятием Уголовного уложения 1903 г. и закрепления в нем формулы невменяемости, включающей психологический (невозможность понимать свойства и значение совершаемого или руководить своими поступками) и медицинский критерии (наличие ненормальных психических состояний)⁵⁵.

1.2. Субъект преступления по законодательству Советской России

Анализ нормативных документов, принятых в первые годы советской власти, показывает, что «принципиальных изменений в критерии определения субъекта преступления, по сравнению с монархическим периодом, внесено не было»⁵⁶. В то же время следует отметить, что нормы, касающиеся признаков субъекта преступления (при неиспользовании самого этого термина в уголовном законе), были включены в общие положения о преступлении и наказании и содержали указания относительно как возраста, так и вменяемости лица. Важно, что при этом используемое понятие «лицо, совершившее преступление», распространялось только на физических лиц.

Так, согласно Руководящим началам по уголовному праву РСФСР 1919 г., несовершеннолетние до 14 лет не подлежали суду и наказанию. К указанным лицам, а также к несовершеннолетним в «переходном возрасте 14–18 лет, действующим без ра-

⁵⁵ Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 25.

⁵⁶ Горбатенко Г. В. Эволюция признаков субъекта преступления в первые годы Советской власти // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-1. С. 277–280.

зумения», по мысли законодателя, необходимо применять воспитательные меры (приспособления)⁵⁷. Следующее положение определяло уголовно-правовой статус лиц, «совершивших деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно и тех, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью». Согласно закону, указанные лица также не подлежали суду и наказанию и подвергались применению лечебных мер и мер предосторожности⁵⁸.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 17 устанавливал, что «наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или вообще, в таком состоянии, когда совершившие его не могли давать себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения или приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К таковым лицам могут применяться лишь меры социальной защиты»⁵⁹.

Исходя из указанной нормы, можно сделать вывод о том, что при отсутствии термина «невменяемость» в уголовном законе происходит выделение ее критериев, юридического и медицинского. Совершенно очевидно, что законодатель в рамках юридического критерия говорит о его интеллектуальном аспекте: «лицо не могло давать себе отчета в своих действиях». Вместе с тем можно встретить мнения о наличии в этой формулировке указания и на волевой аспект⁶⁰.

Что касается медицинского критерия, то он представлен наличием на момент совершения преступления хронической душев-

⁵⁷ Наркомюст РСФСР. Постановления. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. : от 12.12.1919. П. 13 раздела III // СУ РСФСР. 1919. № 66. ст. 590.

⁵⁸ Наркомюст РСФСР. Постановления. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. : от 12.12.1919. П. 14 раздела III // СУ РСФСР. 1919. № 66. ст. 590.

⁵⁹ ВЦИК РСФСР. Постановления. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : от 01.06.1922. Ст. 17 // СУ РСФСР. 1922. № 15. ст. 153.

⁶⁰ Горбатенко Г. В. Указ. соч. С. С. 277–280.

ной болезни, временного расстройства душевной деятельности или иного состояния, исключающего возможность отдавать себе отчет в своих действиях. Важно, что равным уголовно-правовым статусом характеризовались лица, которые в момент совершения преступления были здоровы, а к моменту вынесения или исполнения приговора страдали душевной болезнью. Иными словами, в отличие от современного законодательного подхода, для советского законодателя в рассматриваемый период определяющее значение имел факт наличия у лица душевного расстройства без учета момента совершения общественно опасного деяния. Кроме того, в силу расплывчатой формулировки «иного состояния, вследствие которого лицо не могло отдавать себе отчет в своих действиях», «на практике невменяемым могло быть признано лицо, не являющееся таковым в полном смысле этого слова. Например, к этой категории относили и лиц, совершивших преступление в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, которые фактически являлись здоровыми людьми»⁶¹.

Что касается возраста, то в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. прямо указывалось, что «наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия»⁶².

Отметим, что в целях дифференциации ответственности рассматриваемый документ содержал описание составов преступлений, субъектами которых могли считаться лишь лица, обладающие дополнительными (специальными) признаками. Так, преступления со специальным субъектом, по УК РСФСР 1922 г., были представлены в основном должностными (служебными), хозяйственными и воинскими преступлениями.

В 1926 г. был принят новый УК РСФСР, вслед за ним – кодексы союзных республик. Одной из отличительных черт нового

⁶¹ Горбатенко Г. В. Указ. соч. С. 277–280.

⁶² ВЦИК РСФСР. Постановления. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : от 01.06.1922. Ст. 18 // СУ РСФСР. 1922. № 15. ст. 153.

уголовного закона стало введение термина «меры социальной защиты судебно-исправительного характера», заменившего традиционное понятие наказания, что объясняется стремлением новой власти максимально отодвинуться от достижений правовой мысли капиталистических государств⁶³. На практике же, как отмечает Т. В. Непомнящая, это «привело к грубым нарушениям законности»⁶⁴.

В своей первой редакции уголовный закон связывал возможность привлечения к ответственности с достижением лицом хотя бы 14 лет на момент совершения общественно опасного деяния. Однако после внесения изменений в 1935 г. минимальный возраст уголовной ответственности снизился до 12 лет за определенный круг деяний как корыстного, так и насильственного характера. Эту особенность с полным правом можно отнести ко второй отличительной характеристике УК РСФСР 1926 г., поскольку для советского уголовного права в целом такой подход имел прецедентный характер: ни предыдущими, ни последующими актами светской власти минимальный возрастной порог уголовной ответственности настолько не понижался.

Применительно к характеристике психического состояния лица в ст. 11 указывалось, что «меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни, или временного расстройства душевной деятельности, или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно и в отношении тех лиц, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью»⁶⁵. Предполагалось, что

⁶³ Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000. С. 12; Герцензон А. А. Пути развития Советской науки уголовного права за 30 лет // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 73–81.

⁶⁴ Непомнящая Т. В. Указ. соч. С. 14.

⁶⁵ Р.С.Ф.С.Р. Кодексы. Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. 1926 года. . Ст. 11 // СУ РСФСР. 1926. № 80. ст. 600.

к таким лицам следует применять меры социальной защиты медицинского характера. Важно, что в примечании к указанной статье законодатель специально оговаривает невозможность распространения данной нормы на лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Таким образом, не используя термин «невменяемость», закон определяет критерии этого состояния: во-первых, невозможность лица дать себе отчет в своих действиях либо руководить ими, во-вторых, наличие у него хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности или иного болезненного состояния, которое обусловило эту невозможность. По большому счету, обозначенная норма дублирует соответствующее положение предшествующего уголовного закона 1922 г.

В УК РСФСР 1926 г. круг преступлений со специальным субъектом расширился за счет группы деяний, связанных с нарушением правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и порядок.

В условиях военного времени потребовалось изменить все советское законодательство в той его части, которая бы обеспечила бесперебойное функционирование основных социально-экономических институтов и решение первоочередной задачи сохранения целостности и независимости государства. В частности, специфика уголовно-правового регулирования заключалась в криминализации большого числа новых деяний, общественная опасность которых в условиях войны возросла, а также в ужесточении мер уголовной ответственности⁶⁶. Источники документального и биографического характера рассматриваемого периода содержат множество примеров деформации уголовно-правовых принципов судопроизводства. И здесь следует согласиться с тем, что «существенные отступления от социалистической законности <...> носили объективный характер, их нельзя

⁶⁶ Караваева Ю. С. Особенности дифференциации уголовной ответственности с учетом статусно-ролевого положения субъекта преступления по законодательству Советской России // История государства и права. 2019. № 12. С. 31–37.

ни в коей мере напрямую связывать с проявлениями сталинского террора»⁶⁷.

Послевоенное время поставило задачу восстановления и дальнейшего развития страны, чему было призвано содействовать и законодательство, включая уголовное. Исследователи отмечают характерное для этого периода «постепенное сужение сферы уголовной репрессии, дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от опасности преступления и личности преступника, укрепление режима законности»⁶⁸.

Причины кодификации уголовного закона в 1950-х гг. и принятия Основ уголовного законодательства РСФСР и союзных республик 1958 г., а позднее и УК РСФСР 1960 г. объясняются не столько безнадежно устаревшим характером действующего законодательства и существованием большого количества отдельных уголовно-правовых актов, сколько «желанием покончить с нарушениями социалистической законности, связанными с культом личности»⁶⁹.

Положениями Основ уголовного законодательства 1958 г. устанавливается общий возраст уголовной ответственности, составлявший 16 лет, и пониженный возраст – 14 лет, но лишь за определенный круг деяний. В частности, в их перечень были включены такие преступления, как убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование, разбойное нападение, кража, злостное хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного имущества или личного имущества граждан, повлекшее тяжелые последствия, а также умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда⁷⁰.

⁶⁷ Загорский Г., Рубан А. По законам военного времени // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 19–21.

⁶⁸ Дуюнов В. К. Указ. соч. С. 15.

⁶⁹ Черкасов Л. Обсуждаются реформы уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 131–135.

⁷⁰ СССР. Законы. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : от 25.12.1958. Ч. 2 ст. 10 // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. ст. 6.

Уголовно-правовое значение несовершеннолетнего возраста субъекта было подчеркнуто посредством указания на необходимость применения к соответствующим лицам принудительных мер воспитательного характера, не являющихся наказанием. Важно, что наряду с несовершеннолетием субъекта суду следовало установить, что совершенное им преступление не представляет «большой общественной опасности».

Что касается характеристики психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние, то впервые на законодательном уровне используется термин «невменяемость». Так, согласно ст. 11 Основ, «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния».

Как видим, и юридический, и медицинский критерии невменяемости остались почти в прежнем виде, за исключением того, что содержание последнего было расширено за счет включения слабоумия как вида нездорового психического состояния. По мысли законодателя, к невменяемому следовало применять «принудительные меры медицинского характера, устанавливаемые законодательством союзных республик».

Важно, что впервые в Основах уголовного законодательства 1958 г. происходит разграничение уголовно-правового статуса лиц, совершивших деяние в состоянии невменяемости, и лиц, у которых это состояние появилось после совершения преступления, но «до вынесения судом приговора». Так, если уголовный закон 1926 г. рассматривал возникновение душевной болезни до вынесения приговора при условии, что в момент совершения преступления лицо находилось в «состоянии душевного равновесия», как основание для применения мер социальной защиты медицинского характера, то Основы уголовного законодательств-

ва 1958 г. помимо принудительных мер медицинского характера, назначаемых такому лицу, указывают на возможность привлечения его к отбыванию наказания по выздоровлению. Отметим, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996 г., придерживается аналогичного подхода.

Что касается лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, то в ст. 12 Основ прямо указывается на наличие оснований для привлечения их к уголовной ответственности.

В 1960 г. был принят УК РСФСР, воплотивший надежды на «окончательное искоренение в Советском государстве преступлений»⁷¹. Отход от начал тоталитаризма и репрессивности в УК РСФСР 1960 г. выразился в снижении максимального срока лишения свободы с 25 до 15 лет, делигитимизации института аналогии, «исключении около 50 составов преступлений, существенном снижении санкций»⁷². В то же время Кодекс характеризовался «излишней идеологизацией, конъюнктурностью, декларативностью многих положений»⁷³.

В течение своего более чем 36-летнего периода действия кодекс неустанно совершенствовался, и к моменту принятия нового уголовного закона количество внесенных изменений составило около 700⁷⁴.

Признаки субъекта преступления в кодексе связывались все так же с достижением определенного возраста и психическим состоянием физического лица, совершившего общественно опасное деяние. Можно говорить о том, что применительно к регламентации возрастных особенностей законодательный подход изменился лишь в части значительного расширения круга деяний, ответственность за которые наступала с 14 лет, тогда как прочие характеристики сохранились в прежнем виде по сравнению с

⁷¹ Герцензон А. А. Основные положения УК РСФСР 1960 года. М., 1961. С. 7.

⁷² Черкасов Л. Указ. соч. С. 131–135.

⁷³ Дуюнов В. К. Указ. соч. С. 17.

⁷⁴ См. напр.: Лунеев В. В. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право: актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В. В. Лунеева. М., 2010. С. 28; Дуюнов В. К. Указ. соч. С. 17.

нормами Основ уголовного законодательства РСФСР и союзных республик 1958 года, включая возможность применения к лицам до 18 лет принудительных мер воспитательного характера, при условии, что совершенное преступление «не представляет большой общественной опасности»⁷⁵.

Содержание института невменяемости в полном объеме совпадало с законодательным подходом в рамках норм Основ уголовного законодательства 1958 года.

УК РСФСР закрепляет широкий круг преступлений со специальным субъектом, в основном связывая его признаки с должностными обязанностями и трудовыми функциями виновных. Общее количество норм, предусматривавших составы указанных преступлений (основных и квалифицированных), составило 181. Отметим, что выбор законодателя в пользу специализации уголовно-правовых положений привел к появлению 368 составов преступлений со специальным субъектом в действующем УК РФ (1996 г.).

В отличие от уголовно-правовых законов дореволюционной России, закрепление специальных признаков субъекта преступления в УК РСФСР 1960 г. служит целям дифференциации ответственности.

Таким образом, анализ ключевых уголовно-правовых актов Советского государства демонстрирует последовательное становление института субъекта преступления в его современном виде. Так, несмотря на предпринятую в рамках УК РСФСР 1926 г. попытку снижения минимального возрастного порога привлечения к уголовной ответственности, законодатель придерживается возраста 14 лет в последующих уголовных законах и придает несовершеннолетнему возрасту вкупе с невысокой общественной опасностью совершенного преступления значение основания для применения мер воспитательного воздействия.

⁷⁵ Уголовный кодекс РСФСР // Свод законов РСФСР. Т. 8. с. 497.

Что касается института невменяемости, то, как отмечает Г. В. Назаренко, «методологической базой учения о вменяемости в советском праве является материалистическая теория отражения, учение о детерминированности и свободе воли»⁷⁶. Согласно выводам советской психологической науки, поведение индивида есть результат отражения его психикой социокультурной среды и сформированного на основании этого отношения к этой среде, что выражается в индивидуальном поведении. Психические механизмы отражения связываются с сознанием, установками (осознанными и неосознанными), убеждениями, совестью. Подобный подход принято именовать социальным детерминизмом, а его главной идеей становится положение о «детерминирующей роли сознания», «субъективной детерминанте»⁷⁷. Иными словами, поведение индивида рассматривается не только как результат психического отражения окружающей среды, но и как результат «воздействия сознания на бытие».

Вместе с тем приобретение термином «невменяемость» законодательного значения произошло не сразу, поскольку поначалу советский законодатель отверг его как наследие царской эпохи, а в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями и совершивших общественно опасные деяния, предлагалось применять социальные меры принудительного лечения. В «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. к указанным лицам предписывается применять назначение «лечебных мер и мер предосторожности». Отечественное уголовное законодательство советского периода все более точно регламентирует принудительное лечение⁷⁸.

Критерием применения указанных мер являлось «опасное состояние» индивида (П. Стучка, Е. Пашуканис), а также принцип целесообразности. При этом не учитывались ни характер, ни степень общественной опасности совершенных больным дея-

⁷⁶ Назаренко Г. В. . Указ. соч. С. 12.

⁷⁷ Назаренко Г. В. . Указ. соч. С. 12.

⁷⁸ Спасенников Б. А. Указ. соч. С. 37–43.

ний⁷⁹. Формализм советского законодателя проявился в том, что, как отмечает Г. В. Назаренко, «все постановления, регламентирующие положение психически больных, в советском уголовном праве содержат категории, эквивалентные понятию невменяемости, но вместе с тем не тождественные этому понятию»⁸⁰.

Ситуация кардинально меняется в результате принятия Основ уголовного законодательства 1958 г., положения которых демонстрируют окончательное возвращение к дореволюционному пониманию невменяемости через психологический (юридический) и медицинский критерии. Как отмечается, во многом это явилось заслугой теоретиков уголовного права (в частности, В. С. Трахтерева и А. А. Жижиленко)⁸¹.

Применительно к понятию уменьшенной вменяемости в первые годы советской власти ни закон, ни наука не могли дать однозначных вразумительных ответов. Г. В. Назаренко, в частности, отмечает, что в отсутствие внятных соответствующих положений в УК РСФСР 1922 г. практика относилась к лицам в пограничном состоянии субъектов с признаками психопатических и невротических расстройств, что, в свою очередь, привело к переполненности психиатрических больниц. Что касается научного сообщества, то право на легальное существование понятия уменьшенной вменяемости как самостоятельного большинством не признавалось. Высказывались предложения об отождествлении понятий невменяемости и уменьшенной вменяемости, о не наказуемости уменьшенно вменяемых лиц, но, по большому счету, серьезного внимания данная категория вплоть до 60-х годов прошлого века не привлекала⁸². Однако и с указанного момента можно говорить лишь о научном обсуждении, поскольку соответствующего содержания нормы в уголовном законодательстве рассматриваемого периода отсутствовали.

⁷⁹ Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 27.

⁸⁰ Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 28.

⁸¹ Там же. С. 30.

⁸² Там же. С. 52–53.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУТ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК РФ 1996 ГОДА

2.1. Понятие и уголовно-правовое значение субъекта преступления

Социальная природа преступления указывает на его неразрывную связь с обществом. Вместе с тем, рассматривая преступление как поведенческий акт индивида, мы обязаны дать характеристику лицу, виновному в его совершении. Наука уголовного права именуется данное лицо субъектом преступления, тогда как законодатель, не употребляя данный термин, использует близкие понятия «виновное лицо», «лицо, совершившее преступление» и т. д.

Несмотря на отсутствие в УК РФ 1996 г. дефиниции термина «субъект преступления», положения ст. 19 называют общие условия уголовной ответственности, которые принято относить к его признакам. Речь идет о физиологичности, достижении возраста уголовной ответственности и вменяемости. С учетом перечисленных характеристик термин определяется, как правило, следующим образом: «субъект преступления – это физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности». Как отмечают Н. Ф. Кузнецова и И. Тяжкова, «из всех многочисленных свойств личности преступника закон выделяет такие, которые свидетельствуют о его способности нести уголовную ответственность. Именно эти признаки характеризуют субъект преступления»⁸³.

Тот факт, что законодатель подразумевает под общими условиями уголовной ответственности признаки субъекта преступления, наводит на мысль о наличии взаимосвязи между институтами субъекта преступления и уголовной ответственности. В частности, Н. С. Лейкина отмечает, что «понятие субъекта преступления означает прежде всего совокупность признаков, на основании кото-

⁸³ Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. М. : Зерцало, 1999. С. 165.

рых физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, подлежит уголовной ответственности. Постоянными же и всеобщими признаками являются вменяемость и достижение лицом определенного возраста»⁸⁴. Иными словами, ученый обращает внимание на одну из основных функций института субъекта преступления – ограничительную. По большому счету, каждый человек способен совершить общественно опасное деяние, т. е. причинить вред охраняемым законом общественным отношениям, благам и ценностям либо создать угрозу причинения такого вреда. Вместе с тем, учитывая, что признакам субъекта преступления законодатель придает значение условий уголовной ответственности, только лицо, отвечающее указанным признакам, может ее понести. Отсутствие у лица хотя бы одного из перечисленных в ст. 19 УК РФ признаков, например возраста или вменяемости, свидетельствует об отсутствии оснований для привлечения лица к уголовной ответственности. Такая ситуация объясняется в первую очередь природой преступления как акта свободной воли индивида, являющегося результатом его осознанного выбора из имеющихся альтернативных вариантов поведения, в т. ч. правомерного характера. Во-вторых, привлечение к уголовной ответственности лица, не отвечающего признакам субъекта преступления, заведомо означает невозможность достижения целей уголовной ответственности. Поскольку последняя не рассматривается как возмездие или месть со стороны общества и государства, а предполагает оказание исправительно-предупредительного воздействия на виновное лицо, предпосылкой его эффективности является именно нормальное психофизиологическое состояние виновного лица и достаточный уровень его социальной зрелости.

Вместе с тем в рамках существующей научной дискуссии институт субъекта преступления продолжает вызывать активное обсуждение. Так, не совсем ясным остается соотношение субъекта преступления и личности виновного, при том что каждый из ука-

⁸⁴ Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968 С. 37.

занных институтов имеет значение для правоприменительной деятельности. Следует отметить, что этот вопрос имеет достаточно длительную историю, поскольку еще некоторыми советскими учеными предлагалось в легальную дефиницию термина «субъект преступления» (которая, кстати сказать, в УК РСФСР 1960 г. также отсутствовала) включить признаки, характеризующие общественную опасность субъекта⁸⁵, помыслы, чувства, прошлое, служебную и общественную деятельность, его моральный облик и др.⁸⁶.

Разграничение обозначенных понятий сопряжено с пониманием субъекта преступления как «не человека, не личности, а юридической условности – совокупности признаков, определяющих правовой, возрастной и психический статус лица, ответственного за совершение преступления», а личности виновного – как имеющего криминологический характер понятия, которое «включает биологическую и социально-психологическую характеристику лица, совершившего преступление»⁸⁷.

Действующий уголовный закон не содержит определения термина «субъект преступления» – оно используется лишь однажды, в ч. 4 ст. 34 УК РФ. Таким образом, сохраняется положение, характерное для законодательства советского периода, что оборачивается для науки возникновением новых дискуссий относительно его понимания. Так, А. Н. Трайнин, разрабатывая учение о составе преступления, выносил субъекта преступления за его пределы с апелляцией к тому обстоятельству, что человек не может выступать в качестве элемента юридической конструкции преступления⁸⁸. Далее в науке возникла дискуссия относительно соотношения понятий «субъект преступления» и «субъект

⁸⁵Никифоров Б. С. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Социалистическая законность. 1960. № 1. С. 12.

⁸⁶Утевский Б. С. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права // Советское государство и право. 1963. № 6. С. 45.

⁸⁷Щербаков А. В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 100–106.

⁸⁸Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М., 1946. 185 с.

уголовной ответственности»⁸⁹, в основе которой лежало законодательное отнесение признаков субъекта преступления как элемента состава к условиям уголовной ответственности.

Ст. 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности» устанавливает, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим кодексом. Данное положение, раскрывающее содержание «уголовно-правовой дееспособности» индивидуальных субъектов⁹⁰ в совокупности с иными нормами Общей части кодекса, раскрывающими понятия возраста уголовной ответственности, невменяемости и вины, позволяет определить понятие субъекта преступления. Вместе с тем в науке это оценивается неоднозначно, поскольку констатируется «смешение понятий «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», а также сведение характеристик субъекта уголовной ответственности к содержанию понятия субъекта преступления...»⁹¹. Опасность подобного смешения заключается, по мнению Р. А. Ромашова, в том, что «преступление и уголовно-правовая ответственность, являясь детерминирующими факторами, вместе с тем не находятся в объективной взаимной обусловленности. Не всегда человек, совершивший преступное деяние, предстает перед судом, равно как и суд не всегда выносит обвинительные приговоры в отношении действительно виновных лиц»⁹².

Уголовно-правовое значение понятия «субъект преступления» связывается, во-первых, с необходимостью определения преступного характера совершенного общественно опасного деяния. Так, при несоответствии виновного лица условиям физиологичности, возраста и вменяемости, обозначенным в ст. 19

⁸⁹См. напр.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика): автореф. дис... д-ра юрид. наук 12.00.08 : [место защиты : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка генеральной прокуратуры Рос. Фед.]. М., 1995. 70 с. ; Козлов А. П. Понятие преступления. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 819 с.

⁹⁰Ромашов Р. А. К вопросу о понимании феноменов «преступление» и «субъект преступления» в современной российской юриспруденции // Вестник Самарского юридического института. № 1 (9). 2013. С. 7–9.

⁹¹ Алексеева Л. В. Юридическая психология : учеб. пособие. М. : Проспект, 2010. С. 97.

⁹² Ромашов Р. А. Указ. соч. С. 7–9.

УК РФ, совершенное деяние не может быть признано преступлением. В этом случае говорят об отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности.

Характеристики субъекта также имеют значение для квалификации деяния по определенной норме Особенной части уголовного закона. Являясь элементом состава преступления наряду с объектом, объективной и субъективной сторонами, установление субъекта преступления позволяет определить характер и степень общественной опасности конкретного деяния. Кроме того, в некоторых случаях признаки субъекта специально указываются законодателем в диспозиции статьи: их установление является обязательным условием квалификации ряда преступных деяний, субъект которых именуется специальным – этот вопрос отдельно рассматривается в главе 3 настоящей работы.

И, наконец, ввиду взаимосвязи между понятиями «личность преступника» и «субъект преступления», характеристики последнего позволяют раскрыть некоторые особенности личности преступника (например, возраст, пол, социальный статус и роль).

2.2. Физиологичность как признак субъекта преступления

Положения ст. 19 УК РФ 1996 года, регламентирующие условия привлечения к уголовной ответственности, однозначно к таковым относят физиологичность лица, совершившего преступление. Из этого вытекает, что ни животные, ни неодушевленные предметы, ни юридические лица субъектами преступлений признаваться не могут. Законодательное выделение такого признака представляется вполне целесообразным, поскольку исторический опыт Российского государства, а также примеры зарубежного уголовного законодательства свидетельствуют о наличии возможных альтернативных подходов к его определению: в ряде государств животное до сих пор может быть признано субъектом преступления (например, по законодательству отдельных штатов в США).

Как отмечают авторы, «нормы, согласно которым животное является субъектом преступления, имеют своим истоком античную ментальность, для которой животное было одухотворенным существом, живущим той же интеллектуальной и моральной жизнью, что и человек»⁹³. Возникновение таких норм связывается также и с положениями канонического права⁹⁴.

В частности, в России однажды (согласно установленным историческим данным), в качестве обвиняемого выступал баран-драчун, которому в качестве наказания назначили ссылку в Сибирь⁹⁵. Распространенным примером является привлечение к уголовной ответственности церковного колокола из г. Углич, зазвонившего в связи с убийством царевича Дмитрия⁹⁶.

Вместе с тем «сложной и спорной теоретической проблемой в российском уголовном праве, связанной с субъектом преступления, является проблема уголовной ответственности юридических лиц»⁹⁷, на сегодняшний день решаемая законодателем однозначно отрицательно.

Необходимо отметить, что и в зарубежных государствах на различных исторических этапах их развития можно отметить различные законодательные подходы к вопросу о возможности привлечения юридического лица к уголовной ответственности. В первую очередь следует отметить, что «уже римскому праву были известны прообразы юридического лица и именно там встречаются первые попытки придать ему статус субъекта права»⁹⁸. К примеру, в Англии вплоть до недавнего времени считалось, что в качестве субъекта преступления может выступать исключительно физическое лицо, поскольку существовало технико-юридическое правило о необходимости личной явки подсудимо-

⁹³Малинин В. Б., Попов В. В., Спасенников Б. А. К вопросу о субъекте преступления в уголовном праве // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 76–80.

⁹⁴Там же. С. 76–80.

⁹⁵Любавина М. А. Субъект преступления: учебное пособие. СПб., 2014. С. 5.

⁹⁶Там же. С. 5.

⁹⁷Павлов В. Г. Указ. соч. С. 24.

⁹⁸Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М., 1947. С. 35–40.

го в суд⁹⁹. Кроме того, учитывалась фиктивность правовой конструкции юридического лица, выступавшего в правоотношениях в качестве самостоятельного субъекта, а фактически оказывающегося коллективом людей. Подобному субъекту отказывалось в наличии собственной воли, что априори исключало возможность установления вины в совершенном деянии. Кроме того, ввиду отсутствия воли и сознания субъекта презюмировалась и невозможность применения уголовного наказания к юридическим лицам¹⁰⁰. Вместе с тем, реагируя на возрастание роли корпораций в экономико-социальной жизни государства и общества, законодатель ряда зарубежных государств, в т. ч. Англии, ввел нормы об ответственности юридических лиц.

В отечественной правовой науке дискуссия по указанному вопросу зародилась в период дореволюционного права, во второй половине XIX в. Вместе с тем, как указывают исследователи, отечественному праву знаком опыт привлечения к ответственности юридических лиц задолго до возникновения дискуссии об этом. Так, Демин указывает на факты привлечения к ответственности общины (верви) за преступления ее членов, что допускалось нормами Русской Правды (краткая и пространная редакции). Однако, «с установлением личной виновной ответственности уголовная ответственность юридических лиц стала недопустимой», но допускалась в качестве исключения¹⁰¹. Кроме того, согласно положениям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1885 г.), к ответственности могли быть привлечены такие коллективные образования, как еврейское общество – за укрывательство военных беглецов из евреев (ст. 430), – соляное управление – за неисполнение возложенных на него обязанностей (ст. 661), – общества за вторичный отпуск лиц, ко-

⁹⁹ Фарсобина А. И. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Труды Института государства и права Российской Академии наук. 2007. № 3. С. 148–160.

¹⁰⁰ Там же. С. 148–160.

¹⁰¹ Демин С. Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 : заш. 19.12.2014 : [место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т] / Демин Сергей Геннадьевич. Ставрополь, 2014. 251 с. С. 99.

торые «не могли снискать пропитания» и были пойманы при выпрашивании милостыни (ст. 985)¹⁰². Несмотря на наличие таких положений, единственным субъектом преступления признавалось все же физическое лицо в силу приверженности законодателя концепции о фикционности юридического лица, в рамках которой его индивидуальность отрицалась.

В советский период рассматриваемая идея не получила поддержки законодателя как «лжедемократическая», «реакционная», используемая капиталистическими государствами в качестве инструмента борьбы с прогрессивными организациями¹⁰³. Несмотря на отдельные случаи привлечения к ответственности коллективных субъектов в начальный период становления советского государства: деревень, сел и т. д., – в дальнейшем, с переходом к административно-плановой экономике и отмиранием частного сектора привлекать к ответственности юридические лица означало бы привлекать к ответственности само государство как их единственного собственника.

Актуализация дискуссии об уголовной ответственности юридических лиц связана с разработкой нового Уголовного кодекса Российской Федерации, в рамках которой было предложено как минимум две его модели. При этом каждая из них решала данный вопрос положительно, а их авторы связывали уголовную ответственность юридических лиц прежде всего с совершением экологических преступлений¹⁰⁴. Отметим, что в действующий уголовный закон эти положения так и не были включены, что определенным образом простимулировало продолжение дискуссий. Как отмечается, как правило, аргументация участников «в основном концентрируется на понимании субъекта уголовной ответственности и наказания, а также понятии и признаках вины как обязательного признака субъективной сторо-

¹⁰²Демин С. Г. Указ. соч. С. 100.

¹⁰³Там же. С. 101.

¹⁰⁴Там же. С. 107.

ны состава преступления»¹⁰⁵. Так, противниками указывается, что «вся так называемая «вина» юридического лица есть лишь вина отдельных составляющих его лиц, а его так называемые «преступные действия» – всего лишь действия этих же самых лиц»¹⁰⁶. Кроме того, авторами отмечается то обстоятельство, что «инициаторами предложений по уголовной ответственности юридических лиц за хозяйственные преступления являются страны с высоким уровнем организованной преступности, что не может не навести на мысль о причастности преступного сообщества к этим инициативам, попыткам виновных уйти от уголовной ответственности. <...> уголовная ответственность юридических лиц «растворяется» в дивидендах своих акционеров»¹⁰⁷.

Сторонники положительного решения проблемы определяют круг деяний, за совершение которых привлечение к ответственности юридических лиц выглядит рациональным и целесообразным – речь идет об экономических, экологических, компьютерных и некоторых иных видах преступлений. Аргументируя свою позицию, они, как правило, ссылаются на зарубежный опыт, в рамках которого практикуется привлечение юридических лиц к ответственности и за насильственные деяния тоже¹⁰⁸. В частности, дискутируя по поводу неспособности учения о личной вине охватить указанные правоотношения, что является одним из весомых контраргументов противников идеи, ее сторонники предлагают использовать термины «отождествление»

¹⁰⁵ Демин С. Г. Указ. соч. С. 111.

¹⁰⁶ Богущ Г. И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Мос. унта. Сер. 11. Право. 2005. № 4. С. 19–29. Цит. по: Демин С. Г. Указ. соч. С. 111.

¹⁰⁷ Малинин В. Б., Попов В. В., Спасенников Б. А. Указ. соч. С. 76–80.

¹⁰⁸ Прим. : например, во Франции к подобному перечню преступлений относятся следующие деяния: умышленное убийство, геноцид; непреднамеренное убийство, нанесение телесных повреждений (например, в результате несчастного случая на производстве), создание угрозы для жизни физического лица; отмывание денег, кража, вымогательство, шантаж, мошенничество, злоупотребление доверием, сокрытие имущества, повреждение компьютерных систем, дискриминация, сводничество, создание условий труда или проживания, оскорбляющих человеческое достоинство, шпионаж, терроризм, коррупция, поджог, подделка денежных знаков, экологические преступления (см., напр.: Фарсобина А. И. Указ. соч. С. 148–160).

или «идентификация». Как отмечается, необходимость их применения возникает «при решении вопроса о том, какие действия физических лиц можно трактовать как деяния организации»¹⁰⁹. С учетом принципа «отождествления» суды понимают деяние и психическое состояние должностных лиц корпорации «как деяние и психическое состояние самой корпорации»¹¹⁰. Данный принцип впервые появился в 1944 году в английском праве и был легализован в кодексе 1989 года¹¹¹.

Помимо опыта зарубежных стран, к аргументам сторонников рассматриваемой версии можно отнести доводы о несопоставимости размеров ущерба, который может быть причинен преступной деятельностью юридического лица, с последствиями деяния физического лица, а также о необходимости отражения положений международного законодательства в положениях отечественного уголовного закона и, наконец, о неспособности иных отраслей права устанавливать эффективные меры воздействия на юридических лиц, совершивших общественно опасные деяния, что сказывается на возможностях предупредительной деятельности в отношении «преступности юридических лиц» как явления, получающего все большее распространение в России¹¹².

Так или иначе, вопрос о привлечении юридических лиц к уголовной ответственности остается актуальным и, как представляется, в ближайшее время потребует от законодателя соответствующих нововведений.

¹⁰⁹Короткова А. М., Шайхисламова О. Р. Признание юридического лица как субъекта преступления в уголовном законодательстве на примере зарубежных стран // Право и правоохранительная деятельность в России. Странах СНГ, Европейского Союза: законодательство и социальная эффективность : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Саратов, 2018. С. 201–203.

¹¹⁰Там же. С. 201–203.

¹¹¹Фарсобина А. И. Указ. соч. С. 148–160.

¹¹²Демин С. Г. Указ. соч. С. 111–112.

2.3. Вменяемость как признак субъекта преступления

Понятие вменяемости тесно связано с учением о свободе воли, и можно говорить о том, что последнее явилось философской предпосылкой возникновения данного понятия. Как отмечается в литературе, «именно в античной философии возникает представление о том, что способность к осознанно-волевому поведению – не врожденная данность; она формируется по прошествии определенного количества прожитых лет, при наличии «природного расположения» (психического здоровья) и под воздействием условий социальной среды»¹¹³. Появление самого понятия свободы воли связывается с размышлениями средневековых философов. В частности, «Фома Аквинский определил «свободу» как сочетающую в себе разум и волю способность к самостоятельному ориентированию в мире, основанному на различении добра и зла и стремлении к добру»¹¹⁴.

В немецкой классической философии проблема свободы воли так же привлекала к себе внимание виднейших мыслителей. Например, И. Кант в качестве основания уголовной ответственности признавал «лишь действие, совершенное по решению человеческой воли»; свобода воли, по его мнению, является необходимым условием оценки правильности, моральности поведения человека¹¹⁵. Ф. Гегель указывает, что воля есть «мышление, превращающее себя в наличное бытие, <...> общим условием вменения является наличность разума и воли»¹¹⁶.

В уголовном законе отсутствует определение понятия вменяемости, однако в ст. 21 УК РФ раскрывается содержание термина «невменяемость».

¹¹³Лысенко О. Ю. Философские истоки современного учения о субъекте преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. 2012. № 3 (21). С. 198–200.

¹¹⁴Гертых В. Свобода и моральный закон у Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 85.

¹¹⁵Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973. 536 с. С. 119. Цит. по: Там же. С. 198–200.

¹¹⁶Гегель Г. Философия права. М., 1990. 524 с. С. 117. Цит. по: Там же С. 198–200.

Как отмечает В. Г. Павлов, «вменяемость является не только необходимым условием для привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, но и предпосылкой для установления его виновности»¹¹⁷.

Ученые по-разному оценивают такой законодательный подход – можно говорить о наличии как сторонников, так и противников. В теории вменяемость определяется как «такое психическое состояние лица, при котором оно, совершая общественно опасное деяние, может осознавать свои действия и руководить ими»¹¹⁸, как «способность лица к осознанно-волевому поведению во время совершения преступления»¹¹⁹, как «способность субъекта действовать виновно»¹²⁰. Несмотря на различность формулировок, авторы единодушны в признании вменяемого лица способным осознавать свои действия (бездействие) и руководить ими. Вместе с тем единодушие отсутствует в области определения критериев вменяемости. Согласно одной точке зрения, данные критерии аналогичны критериям невменяемости и, исходя из этого, следует выделять юридический и медицинский. В рамках другой позиции предлагается в качестве таковых понимать юридический и психологический критерии: «Преступление в понятии «вменяемость» является юридическим критерием, а способность лица во время совершения преступления осознавать свои действия (бездействие) и руководить ими – психологическим критерием»¹²¹.

Указанные позиции вытекают из законодательной формулировки термина «невменяемость», приведенной в ч. 1 ст. 21 УК РФ: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактиче-

¹¹⁷Павлов В. Г. Указ. соч. С. 22.

¹¹⁸Там же. С. 22.

¹¹⁹Спасенников Б. А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4. С. 19–22.

¹²⁰Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 57.

¹²¹См. напр. : Пехтерев В. А. Вменяемость как признак субъекта преступления // Новости медицины и фармации. 2011. № 7 (361). С. 20–22.

ский характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики».

Исходя из указанного определения, к обязательным критериям невменяемости следует относить юридический и медицинский. Так, содержание юридического критерия образовано неспособностью лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) (интеллектуальный признак) либо руководить ими (волевой признак), тогда как медицинский критерий представлен перечнем видов психических заболеваний. В частности, под хроническим психическим расстройством понимается «группа заболеваний, носящих длительный характер, трудно поддающихся излечению, протекающих непрерывно или приступообразно, имеющих тенденцию к прогрессированию»¹²². В качестве примеров можно назвать такие заболевания, как шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и иные. Так, по делу об обвинении Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ, экспертами было установлено, что Б. «обнаруживает на момент экспертных исследований а также в период совершения общественно-опасного деяния хроническое психическое расстройство в форме шизофрении параноидальной, непрерывного типа течения, состояние эмоционально-волевого дефекта. Об этом свидетельствуют данные анамнеза, медицинской документации о наличии у подэкспертной вышеуказанного психического расстройства, которое сопровождалось нарастанием негативной симптоматики (эмоционально-волевым снижением, шизофреническими изменениями личности) до степени дефекта. Данное заключение также подтверждается результатами клинико-психиатрического и психологического исследований, выявивших снижение эмоционально-волевой деятельности, специфические нарушения мышления,

¹²² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.

социальную дезадаптацию подэкспертной, а также отсутствие критического отношения к общественно-опасному деянию, сложившейся ситуации и своему состоянию. Изменение со стороны психической деятельности у Б. выражены столь значительно, что лишали ее во время совершения общественно-опасного деяния способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить им. По своему психическому состоянию в настоящее время Б. не может осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания. Психическое расстройство Б. связано с опасностью для нее или других лиц, либо возможностью причинения ею иного существенного вреда. В настоящее время по психическому состоянию Б. нуждается в применении к ней принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа»^{123/}.

Под временным психическим расстройством следует понимать «психические заболевания, которые быстро развиваются, длятся непродолжительное время и заканчиваются полным выздоровлением»¹²⁴. К таким заболеваниям относится, например, патологическое опьянение, патологический аффект и иные. К примеру, из заключения стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ, следует, что в период, относящийся к совершению инкриминируемого ему деяния, «у К. имело место временное психическое расстройство в форме острого психотического состояния делириозной структуры (алкогольный делирий, синдром

¹²³Краснодарский край. Горячеключевский городской суд. Постановления. Постановление по делу № 1-82/2019: от 23.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.10.2019).

¹²⁴Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.

отмены алкоголя с делирием, по МКБ–10), развившееся на фоне алкоголизма, 2 стадии, (психические и поведенческие расстройства вследствие синдрома зависимости от алкоголя, по МКБ–10), что свидетельствует о том, что К. во время инкриминируемого деяния не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. По своему психическому состоянию в настоящее время (депрессивное состояние: сниженный фон настроения, нарушение сна, тревожность, отсутствие критики к перенесенному психозу и болезни в целом, большая вероятность возобновления алкоголизации и рецидивирования психотической симптоматики с агрессивным поведением, длительное антисоциальное поведение) К. представляет повышенную социальную опасность для себя и окружающих, поэтому нуждается в принудительном лечении в медицинском учреждении, оказывающем психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа»¹²⁵.

Слабоумие в литературе определяется как «болезненное состояние психики, которое характеризуется неполноценностью умственной деятельности»¹²⁶, и имеет следующие формы: легкую (дебилизм), среднюю (имбецильность) и тяжелую (идиотия). Выявление у лица слабоумия в тяжелой форме при наличии юридического критерия является основанием признания лица невменяемым. Так, по делу Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. п. б, в, ч. 2 ст. 158 УК РФ, в ходе комплексной психолого-психиатрической экспертизы установлено, что «Ф. страдал ранее и страдает в настоящее время хроническим психическим расстройством слабоумием в форме – низкий уровень мотивационной активности, зависимость, привязанность, незрелость, неуверенность в себе, напряженность, скрытая агрессия, переоценка своих возможностей, трудности

¹²⁵Саратовская область. Марковский городской суд Постановления. Постановление по делу № 1-53/2019 : от 08.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения : 19.10.2019).

¹²⁶Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.

межперсональных взаимоотношений, склонность к беспричинным колебаниям настроения, снижение прогностических способностей, степень выраженности которого лишала его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Кроме того, Ф. состоит на учете у врача-психиатра с диагнозом «олигофрения в стадии умеренной выраженной дебильности и выраженными эмоционально-волевыми расстройствами»¹²⁷.

Перечень заболеваний, свидетельствующих о наличии медицинского критерия, законодатель оставляет открытым, используя формулировку «иные болезненные состояния психики». В данном случае имеется в виду «такое расстройство психической деятельности болезненного характера, которое не подпадает под признаки названных трех категорий»¹²⁸. В качестве примеров можно привести бредовые и галлюцинаторные состояния, сопутствующие брюшному тифу, последствия черепно-мозговой травмы. Так, по делу Ф., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, экспертным заключением установлены факты перенесенной обвиняемой черепно-мозговой травмы и наличия у нее хронического психического заболевания в форме органического расстройства личности и поведения в связи со смешанными заболеваниями (ЧМТ, сосудистое заболевание головного мозга) с психотическими симптомами (МКБ–10: F07/88)¹²⁹.

Поскольку констатация состояния невменяемости требует наличия как минимум одного из признаков юридического критерия и одного из медицинских, то налицо необходимость привлечения в качестве экспертов медицинских работников. Окончательное решение принимает суд, руководствуясь заключением

¹²⁷Республика Дагестан. Бабаюртовский районный суд. Постановление по делу № 1-49/19 : от 08.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.10.2019).

¹²⁸Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.

¹²⁹Краснодарский край. Краснодарский краевой суд. Постановления. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции по уголовным делам по делу № 22-2369/19 : от 17.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения : 20.10.2019).

судебно-психиатрической экспертизы, не будучи при этом связанным ее доводами¹³⁰. Иными словами, установление медицинского критерия не означает, что юридический будет констатирован автоматически. Вместе с тем на практике возможны ситуации, когда суд, выходя за пределы своей компетенции, самостоятельно, в отсутствие соответствующего экспертного заключения, констатирует наличие либо отсутствие признаков невменяемости. Так, по делу А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ и ч. 1 ст. 116 УК РФ, установлено, что «как в ходе дознания, так и при рассмотрении уголовного дела судом оснований для проведения обвиняемому А. судебно-психиатрической экспертизы не имелось. Вместе с тем, мировой судья в описательно-мотивировочной части приговора указывает, что «учитывая показания, данные А. в ходе судебного следствия, суд приходит к выводу, что подсудимый в момент совершения преступления в полной мере осознавал фактический характер и общественную опасность своих действий и мог руководить ими»¹³¹.

Исходя из положений действующего законодательства, необходимость определения вменяемости лица связана с возникновением у следственных и судебных органов сомнений относительно его психического состояния. Этот же вывод вытекает из п. 6 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»: в соответствии с требованиями п. 3 ст. 196 УПК РФ по каждому уголовному делу назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно

¹³⁰Кибальник А. Г. Признаки общего субъекта преступления (проблемные вопросы) // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 65–68.

¹³¹Нижегородская область. Городецкий городской суд. Постановления. Апелляционное постановление по делу № 10-19/2019 : от 29.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения : 20.10.2019).

защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. К обстоятельствам, вызывающим такие сомнения, могут быть отнесены, например, наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь (у него диагностировалось врачами психическое расстройство, ему оказывалась амбулаторная психиатрическая помощь, человек помещался в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, признавался невменяемым по другому уголовному делу, негодным к военной службе по состоянию психического здоровья и т. п.), о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, о получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном наличии психического расстройства, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др.¹³².

С учетом изложенного, в теории указывается на действие презумпции вменяемости в отношении каждого подозреваемого, обвиняемого или подсудимого¹³³.

Несмотря на законодательную регламентацию, наличие разъяснений высшей судебной инстанции и внушительного количества научных трудов, посвященных различным аспектам вменяемости и невменяемости, указанные понятия сохраняют свою дискуссионность по сей день. В частности, в теории ставится вопрос о соотношении вменяемости и вины. Общепринятым является подход, согласно которому вменяемость есть предпосылка вины, что вытекает из норм действующего законодательства. Действительно, при установлении состояния невменяемости лица на момент совершения общественно опасного деяния

¹³²Верховный суд Российской Федерации. Постановления Пленума. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера : от 07. 04. 2011 № 6 // Российская газета. № 84. 20.04.2011.

¹³³См. напр. : Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 65–68; Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. К определению понятия «вменяемость» в уголовном праве // Государство и право. 2008. № 6. С. 27–32.

уголовное дело не возбуждается, а возбужденное прекращается по основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 УПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ). Вместе с тем, как отмечает В. А. Пехтерев, после заключения экспертизы о невменяемости лица «уголовный процесс на этом прекращается <...> Субъективная сторона остается неизученной»¹³⁴. Г. В. Назаренко пишет, что «вменяемость не предшествует вине, а проявляется в виновном действии, и без вины субъекта вопрос о его вменяемости теряет уголовно-правовой смысл. Вина и вменяемость реально не могут находиться в отношении «до и после», в реальном бытии они образуют единство, в котором вменяемость проявляется как реализованная способность действовать виновно – осознанно и волимо, а вина – как осознанно-волевое действие, заключающее в себе психическое отношение к содеянному»¹³⁵.

Иными словами, авторы указывают на то, что установление медицинского критерия невменяемости автоматически считается достаточным для констатации юридического и исключает последующее судебное-следственное исследование субъективной стороны совершенного деяния: «...врачебная точка зрения подменяет собой юридическое исследование психического состояния преступника, делая его излишним»¹³⁶. Аналогичной позиции придерживаются Б. А. Спасенников и В. Б. Спасенников, указывая, что «наличие (отсутствие) у субъекта психического расстройства не обуславливает и не может обуславливать решение о его вменяемости или невменяемости»¹³⁷. По мысли авторов, главным является «определение значимости влияния этого психического расстройства на осознанно волевою регуляцию поведения»¹³⁸.

В литературе также указывается на проблематичность отнесения того или иного патологического состояния психики лица к «иным болезненным состояниям психики» ввиду отсутствия пе-

¹³⁴Пехтерев В. А. Указ. соч. С. 20–22.

¹³⁵Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 59.

¹³⁶Пехтерев В. А. Указ. соч. С. 20–22.

¹³⁷Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. Указ. соч. С. 27–32.

¹³⁸Там же. С. 27–32.

речня подобных состояний. Как отмечает Г. В. Назаренко, «пределно широкое понятие «иное болезненное состояние» дает возможность для включения в этот перечень многих видов психической недостаточности по усмотрению эксперта»¹³⁹.

Помимо термина «невменяемость», для характеристики психических способностей лица к осознанию своих действий (бездействий) и руководству ими законодательство содержит нормы о так называемой возрастной невменяемости и ограниченной (уменьшенной) вменяемости.

Так, согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, если несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности (14 или 16 лет), но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности. Так, по делу несовершеннолетнего Б., обвиняемого в ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ, установлено, что «Б. по умственному развитию отстает от своих сверстников. Обучаясь в школе, он не научился писать и считать. По заключению экспертов, проводивших стационарную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, у Б. имеются признаки врожденного умственного недоразвития в форме олигофрении в легкой степени дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями, и с учетом его личностных особенностей развития и поведения Б. не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных им противоправных действий и не мог в полной мере руководить ими. С учетом указанных данных суд обоснованно пришел к выводу, что Б. по своему психическому развитию не соответствует 14-летнему возрасту, и на

¹³⁹ Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 33.

основании ч. 3 ст. 20 УК РФ освободил его от уголовной ответственности»¹⁴⁰.

Констатация возрастной невменяемости требует установления следующих трех условий, что вытекает из формулировки ч. 3 ст. 20 УК РФ.

1. Отставание в психическом развитии, обуславливающим невозможность лица в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Как отмечается, «категория «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», представляет собой экспертное понятие, психологическое содержание которого составляет личностная незрелость. Личностная незрелость выражает слабую сформированность сознательных регулятивных механизмов социального поведения подростка. Она обуславливается незавершенным развитием мотивационно-смысловой системы и проявляется в несамостоятельности подростка, подверженности его поведения влиянию внутренних непосредственных побуждений или внешних обстоятельств, других людей. Личностная незрелость может быть естественной возрастной (особенно у младших подростков) или обусловленной непатологическими факторами (социальная или сенсорная депривация, длительные соматические заболевания, особенности воспитания)»¹⁴¹.

2. Отсутствие психического заболевания, вызвавшего указанное состояние лица, возникновение которого обусловлено определенными социальными причинами; к ним принято относить, например, юношеский инфантилизм, сенсорную депривацию и т. д.

¹⁴⁰ Верховный суд Российской Федерации. Определение от 24.02.1998 // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lawmix.ru> (дата обращения: 21.10.2019).

¹⁴¹ Министерство здравоохранения Российской Федерации, Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. Информационные письма. О применении ч. 3 ст. 20 УК РФ. П. 6. М., 2004 [Электронный ресурс]: URL: <http://ukurilskiy.sah.sudrf.ru> (дата обращения: 12.11.2019).

3. Несовершеннолетний возраст на момент совершения преступления и наличие указанного состояния. При этом речь идет не о временном совпадении, а именно об обусловленности факта совершения общественно опасного деяния отставанием в психическом развитии лица. Как отмечается, «совершение общественно опасного деяния является следствием незнания или недопонимания каких-либо фактов окружающей действительности и неспособности оценить их как опасных для общества»¹⁴², а сама суть понятия связана с «недоразвитием интеллектуальных и волевых способностей»¹⁴³ лица.

Исходя из ч. 3 ст. 20 УК РФ, уголовно-правовое значение состояния возрастной невменяемости связывается законодателем с решением вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние. Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», вопрос о том, подлежит ли уголовной ответственности лицо, достигшее возраста, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 20 УК РФ, но имеющее не связанное с психическим расстройством отставание в психическом развитии, ограничивающее его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, решается судом исходя из положений ч. 3 ст. 20 УК РФ на основе материального и процессуального закона.

Далее в этом же пункте указывается, что при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии несовершеннолетнего, в силу ст. 195 и 196, ч. 2 ст. 421 УПК РФ, следует назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в целях решения вопроса о его психическом состоя-

¹⁴²Зограбян Н. Ю. Влияние возрастного признака субъекта на квалификацию преступлений // Вектор науки ТГУ. 2010. № 1 (11). С. 104–109.

¹⁴³Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 70.

нии и способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. При этом перед экспертами должен быть поставлен вопрос о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учетом возраста¹⁴⁴.

Важно, что «если задержка в психическом развитии сохраняется у лица после достижения им совершеннолетия, то она должна расцениваться как хроническое психическое расстройство в качестве биологического критерия невменяемости»¹⁴⁵.

На сегодняшний день отмечается проблематичность применения ч. 3 ст. 20 УК РФ, обусловленная как неудачной конструкцией самой нормы, ставящей «в дискриминационное положение несовершеннолетних, страдающих психическим расстройством»¹⁴⁶, так и отсутствием единообразия при организации и проведении экспертного исследования¹⁴⁷.

Согласно ч. 1 ст. 22 УК РФ, вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. В литературе можно встретить термин «аномальный преступник», используемый в отношении лиц, подпадающих под действие указанной нормы¹⁴⁸. Справедливо отметить, что в своем становлении понятие уменьшенной вменяемости столкнулось с неоднозначными оценками ученых. Так, в период дореволюционной уголовно-правовой

¹⁴⁴Верховный суд Российской Федерации. Постановления Пленум. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: от 01.02.2011 № 1. П. 14 // Российская газета. № 29. 11.02.2011.

¹⁴⁵Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 65–68.

¹⁴⁶Министерство здравоохранения Российской Федерации, Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. Информационные письма. О применении ч. 3 ст. 20 УК РФ. М., 2004 [Электронный ресурс]: URL: <http://ukurilskiy.sah.sudrf.ru> (дата обращения : 12.11.2019).

¹⁴⁷Там же.

¹⁴⁸См. напр. : Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления: Пробл. уголов. ответственности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. спец. Москва : Закон и право : ЮНИТИ, 1998. 221 с.; Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. 311 с.

науки виднейшие отечественные криминалисты обосновывали тезис об алогичности данного понятия (например, Н. С. Таганцев, С. В. Познышев, Л. С. Белогриц-Котляровский, П. П. Пусторослев). Как отмечает Г. В. Назаренко, «уменьшенной вменяемости приписывалась роль промежуточной категории и на этом основании ее существование отрицалось»¹⁴⁹. Этот же автор указывает, что впервые данное понятие было использовано в 40-х гг. XIX в. германскими правоведами, которые в рамках толкования Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. и Уголовного уложения 1903 года допустили смешение понятия вменяемости и особенностей наказуемости отдельных лиц¹⁵⁰.

Окончательное становление рассматриваемой категории как легальной связывается с советской наукой, в рамках которой развернулась обширнейшая дискуссия относительно содержания указанного понятия, его соотношения с категориями вменяемости и невменяемости, критериев установления и уголовно-правового значения. Признание презумпции виновного поведения вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние, легло в основу вывода о необходимости разделения вменяемости на полную и неполную¹⁵¹. Однако норма об ограниченной вменяемости, несмотря на ее концептуальное признание, появилась только в новом Уголовном кодексе Российской Федерации, 1996 г.

Актуальное уголовно-правовое значение указанного состояния связано с учетом его судом при назначении наказания, когда оно может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 22 УК РФ). Согласно п. 3 указанного выше постановления от 7 апреля 2011 г. № 6, наряду с наказанием суд может назначить принудительную меру медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра (ч. 2 ст. 99 УК РФ).

¹⁴⁹Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 48.

¹⁵⁰Там же. С. 49.

¹⁵¹Там же. С. 57.

Как отмечает А. Г. Кибальник, «в судебной практике ограниченно вменяемому лицу назначается наказание, как правило, в размере ближе к минимальной границе санкции»¹⁵². Вместе с тем сложившаяся практика критикуется учеными. В частности, Б. А. Спасенников, указывая на тот факт, что психические расстройства, не исключающие вменяемости, не включены в перечень смягчающих наказание обстоятельств, делает вывод: «Недопустимо лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, признавать менее ответственными за свои поступки. Констатация психического расстройства, не исключающего вменяемости, никоим образом не может быть основанием для смягчения наказания. В противном случае это может породить чувство «условной приятности, желательности» психического расстройства, заведомый расчет на меньшую меру наказания, что противоречило бы целям общей и специальной превенции, целям принудительных мер медицинского характера»¹⁵³. В то же время В. В. Щепельков указывает, что «согласно системному смыслу уголовного закона совершение преступления в состоянии ограниченной вменяемости должно рассматриваться как обстоятельство, смягчающее наказание. Данное заключение следует из того, что перечень смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных в ст. 61, открыт (см. ч. 2 ст. 61), список же обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63), является исчерпывающим»¹⁵⁴.

Анализ судебной практики позволяет говорить, что суды по-разному понимают уголовно-правовое значение данного состояния, в одних случаях признавая его смягчающим наказание обстоятельством, а в других нет. Так, по делу Л., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.2 УК РФ,

¹⁵²Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 65–68.

¹⁵³Спасенников Б. А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36–39.

¹⁵⁴Щепельков В. Ф. Субъект преступления: преодоление пробелов уголовного закона // Журнал российского права. 2002. № 2 (62). С. 60–65.

заключением комиссии экспертов, проводивших в отношении Л. стационарную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, установлено наличие у него «психического расстройства в форме смешанного расстройства личности. В период, относящийся к инкриминируемому ему деянию, совершенному в состоянии указанного психического расстройства, не исключаяющего вменяемость, Л. не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими (ст. 22 УК РФ). В настоящее время он может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значения для уголовного дела, но нуждается в применении принудительных мер медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях». При назначении наказания суд в качестве смягчающего обстоятельства учел состояние здоровья Л., в т. ч. наличие у него психического заболевания, не исключаяющего вменяемости¹⁵⁵.

Подобная ситуация, имеющая место на практике, когда в одних случаях состояние ограниченной вменяемости придает значение смягчающего наказание обстоятельства, а в других нет, основывается прежде всего на прямом указании законодателя судам, согласно которому психическое расстройство, не исключаяющее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Эта мысль получает дальнейшее развитие в разъяснениях высшей судебной инстанции относительно несовершеннолетних: «...психическое расстройство несовершеннолетнего, не исключаяющее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства и может служить основанием для назначения принуди-

¹⁵⁵Верховный суд РФ. Судебная коллегия по делам военнослужащих. Апелляционное определение от 28.05.2019 по делу № 1-6/2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

тельных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 22 УК РФ, ч. 2 ст. 433 УПК РФ)»¹⁵⁶.

Вместе с тем необходимо учитывать разъяснения Конституционного суда Российской Федерации, согласно которым «статья 22 УК Российской Федерации, регламентирующая уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, не относит это обстоятельство ни к смягчающим, ни к отягчающим вину, а лишь предусматривает, что такое психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ч. 2). Приведенная норма не предполагает назначения судом несправедливого наказания, не соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»¹⁵⁷.

Интерес представляет понимание категории «невменяемость» зарубежным законодательством. Так, в Англии имеют место так называемые «правила Макнотена», сформулированные по итогам рассмотрения одноименного дела в 1843 г. Согласно указанным правилам: «1) каждый человек презюмируется душевно здоровым и обладающим достаточной степенью разума для того, чтобы нести ответственность за совершенные им преступления, пока противоположное не будет достоверно доказано присяжным. 2) Для освобождения от ответственности ввиду душевной болезни должно быть «с очевидностью» установлено, что во время совершения действия, по поводу которого он привлекается к ответственности, обвиняемый действовал под влия-

¹⁵⁶Верховный суд Российской Федерации. Постановления Пленума. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: от 01.02.2011 № 1. П. 14 // Российская газета. № 29. 11.02.2011.

¹⁵⁷Конституционный суд РФ. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафутдинова Игоря Мустакимовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10, статьей 22, примечанием к статье 131 и статьей 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: от 29.09.2015 № 1969-О // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 01.11.2019).

нием такого происходящего от душевной болезни дефекта разума, что он не в состоянии был отдавать себе отчет в характере и свойствах <...> совершаемого им действия или (если он отдавал себе в этом отчет) не был в состоянии отдать себе отчет в безнравственности своего действия. 3) Относительно сознания душевнобольным того, что действие дурно <...> критерием является не вообще способность различать хорошее от дурного, как это предполагалось раньше, а эта же способность применительно к конкретному совершенному действию. 4) Если преступное деяние было совершено обвиняемым под влиянием бредовых представлений об окружающем, которые затемнили для него подлинное значение совершаемого им действия, обвиняемый подлежит такой ответственности, какой он подлежал бы, если бы факты соответствовали его представлениям о них»¹⁵⁸.

2.4. Возраст как признак субъекта преступления

По большому счету возраст как признак субъекта преступления является обязательной предпосылкой признания общественно опасного деяния лица преступлением и констатации наличия вины в его совершении. Несмотря на это, в практике допускаются ошибки, связанные с привлечением к уголовной ответственности лица, возраст которого не соответствует установленному в уголовном законе. Так, авторами приводится следующий пример: приговором суда несовершеннолетняя З. была признана виновной в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшему Л. в состоянии аффекта, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 113 УК РФ. Только в момент нахождения З. в колонии было установлено, что ко времени совершения преступления она не достигла шестнадцатилетнего возраста, поэтому не подлежит уголовной ответственности. Постановле-

¹⁵⁸Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. С. 56.

нием президиума областного суда приговор в отношении З. был отменен¹⁵⁹.

В литературе возраст определяется как «период развития человека, который характеризуется качественными изменениями в физических и психических процессах, подчиненный особым закономерностям в их протекании»¹⁶⁰. Достоинством формулировки является акцентирование внимания на наличии закономерностей динамики физических и психических процессов, поскольку именно их учет обосновывает возрастные границы, определенные законодателем в целях привлечения к уголовной ответственности. Отмечается, что из существующих четырех критериев возраста: хронологического (паспортного), биологического (функционального), социального (гражданского) и психологического (психического), – законодатель руководствовался последним¹⁶¹.

В частности, действующий уголовный закон выделяет три возрастных порога, обладающих значением для решения вопросов о квалификации деяния как преступления и привлечения к уголовной ответственности за его совершение. При этом наибольшая часть преступных деяний, запрещенных нормами Особенной части, предполагает достижение субъектом 16 лет на момент совершения преступления, поэтому общим («универсальным»¹⁶²) возрастом уголовной ответственности лица считается именно указанный порог. Вместе с тем ч. 2 ст. 20 УК РФ содержит перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет – этот возраст принято именовать пониженным возрастом уголовной ответственности¹⁶³. Указанный перечень носит исчерпывающий характер и образован деяниями, чья общественная опасность настолько очевидна, что ее осознание возможно до

¹⁵⁹Вахмянина Н. Б., Вдовцев П. В., Гончаров Д. Ю., Казаков А. А. и др. Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними : науч.-практ. пособие / под общ. ред. В. Н. Карагодина. СПб. : Юридический центр – Пресс, 2014. С. 102.

¹⁶⁰Щукина Г. И. Возрастные особенности школьника. Л. : Изд-во ЛГГТИ им. А. И. Герцена, 1955. С. 3.

¹⁶¹Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2009. С. 253.

¹⁶²Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 65–68.

¹⁶³См. напр. : Агильдин В. В. Возраст как признак субъекта преступления // Сибирский юридический журнал. 2015. № 3 (70). С. 49–54.

наступления 16 лет, «в большинстве своем гораздо раньше, нежели в четырнадцатилетнем возрасте»¹⁶⁴. Анализ ч. 2 ст. 20 УК РФ позволяет заключить, что в данный перечень входят преступления как тяжкие и особо тяжкие, так и небольшой и средней тяжести. Следовательно, критерием его составления не является степень общественной опасности, равно как и ее характер, поскольку указанные деяния посягают на абсолютно разные уголовно охраняемые объекты. Вместе с тем каждое из этих деяний является умышленным.

О повышенном возрасте, под которым понимается достижение субъектом 18 лет, говорят применительно к таким преступлениям, совершение которых в принципе возможно только с наступлением совершеннолетия. Иными словами, в законе отсутствует перечень конкретных деяний, а вывод о необходимости достижения совершеннолетия субъектом вытекает из толкования конкретной уголовно-правовой нормы Особенной части УК РФ. Например, глава 33 УК РФ устанавливает ответственность за преступления против военной службы. Очевидно, что подобные деяния может совершить лишь лицо, достигшее к моменту совершения деяния времени призывного возраста – 18 лет – и проходящее военную службу. Так, исходя из ч. 1 ст. 331 УК РФ, преступления против военной службы могут быть совершены военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов. В литературе субъекта указанной группы преступлений единогласно принято относить к специальным¹⁶⁵.

Другим примером может служить группа должностных преступлений, субъектом которых является должностное лицо, определяемое в прим. 1 к ст. 285 УК РФ. Согласно Федеральному

¹⁶⁴Щепельков В. Ф. Указ соч. С. 60–65.

¹⁶⁵См. напр.: Военно-уголовное право : учебник / под ред. Х. М. Ахметшина, О. К. Зателепина. М. : За права военнослужащих, 2008. С. 102; Павлов В. Г. Указ. соч. С. 246; Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2013. С. 110, 121.

закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ от 27.07.2004, одним из условий возникновения у лица права поступить на гражданскую службу является достижение 18 лет (ст. 21)¹⁶⁶. Далее, с учетом прим. к ст. 318 УК РФ, к должностным лицам правоохранительного или контролирующего органа в уголовно-правовом смысле также следует относить представителей власти. Согласно Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 342-ФЗ от 30.11.2011, на службу в органы внутренних дел вправе поступать граждане не моложе 18 лет (ст. 17)¹⁶⁷. Таким образом, путем толкования нормы и обращения к иным нормативным актам, необходимость чего вытекает из бланкетного характера соответствующих положений уголовного закона, можно сделать вывод о совершеннолетию субъекта должностных преступлений как его обязательном признаке.

Следует отметить, что уголовный закон содержит нормы, в которых необходимость достижения субъектом восемнадцатилетнего возраста указывается прямо (например, ст. 134, 135, 150, 151, 240. 1, ч. 2 ст. 242, 242. 2 УК РФ).

Таким образом, законодатель выделяет три возрастных порога, имеющих уголовно-правовое значение. Несмотря на длительность существования подобной дифференциации и внушительное количество научных работ, посвященных проблемам возраста субъекта преступления, сегодня проблема возраста продолжает оставаться актуальной. Как отмечает В. Г. Павлов, «сложность данной проблемы определяется тем, что она напрямую связана не только с природными, биологическими, но и социально-психологическими свойствами человека, которые, разумеется,

¹⁶⁶Российская Федерация. Законы. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Российская газета. № 162. 31.07.2004.

¹⁶⁷Российская Федерация. Законы. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Российская газета. № 275. 07.12.2011.

должны учитываться законодателем при установлении возрастных границ при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление»¹⁶⁸.

В частности, в литературе неоднозначно оценивается сам факт законодательной дифференциации возраста уголовной ответственности. Так, высказаны мнения о целесообразности как снижения минимального возраста привлечения к уголовной ответственности¹⁶⁹, так и его повышения и установления единого возраста ответственности¹⁷⁰. При этом в качестве обоснования первой точки зрения приводится необходимость учета «складывающихся в обществе социальных и культурных факторов»¹⁷¹, а также опыт зарубежных государств, который – и это важно – довольно разнообразен и зависит от ряда особенностей, национальных, культурных, религиозных и др. В частности, отмечается, что в Ирландии нижний возрастной порог уголовной ответственности связывается законодателем с достижением субъектом 5 лет, что на сегодняшний день является минимальным значением для всех действующих уголовных законов государств¹⁷². Очевидно, что, определяя возраст уголовной ответственности, государства действуют абсолютно самостоятельно в рамках собственной юрисдикции, имея возможность в положениях закона и отдельных правовых институтах отразить указанные выше особенности. Однако в любом случае предполагается соблюдение норм международного законодательства, согласно которым, в частности, «универсальным критерием возрастной способности лица к

¹⁶⁸Павлов В. Г. Указ. соч. С. 21.

¹⁶⁹См. напр.: Куприянов А. А. Возраст уголовной ответственности разумно снизить // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 10; Андрухин Н. Г. Минимальный возрастной признак субъекта преступления нуждается в уточнении // Вопросы ювенальной юстиции. 2001. № 2. С. 20–23.

¹⁷⁰См. напр. : Леонов Р. А. Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08 : защ. 21.01.2012 : [место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т] / Леонов Роман Анатольевич. М., 2011. С. 7.

¹⁷¹Щербаков В. А. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. № 2. 2013. С. 100–106.

¹⁷²Там же. С. 100–106.

виновной ответственности является его эмоциональная, духовная и интеллектуальная зрелость»¹⁷³.

Представляется, что в данной норме абсолютно обоснованно подчеркивается значимость способности лица нести виновную ответственность. Действительно, следует учитывать, что лицо должно быть способно не только к осознанию фактического характера своих действий (бездействия) и их общественной опасности, но и к осознанию применяемых к нему мер ответственности как рациональной реакции общества на совершенное преступление. По этому поводу учеными указывается, во-первых, на факт формирования абстрактного мышления у подростка лишь к 14 годам¹⁷⁴, а во-вторых, отсутствие способности осознать ответственность как «инструмент регулирования отношений между людьми в обществе», являющийся «такой формой абстракции, которая не воспринимается и не осознается в двенадцатилетнем возрасте»¹⁷⁵.

Также существует точка зрения о том, что необходимо скорректировать перечень преступлений, за совершение которых ответственность наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) путем исключения из него преступлений небольшой и средней тяжести¹⁷⁶.

Как было сказано, возраст лица, совершившего общественно опасное деяние, определяется на момент его совершения. При этом лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т. е. с нуля часов сле-

¹⁷³ООН. Правила. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). П. 4 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2019).

¹⁷⁴Прокументов Л. М., Ольховик Н. В. Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. Томск, 2009. С. 9. Цит по: Агильдин В. В. Указ. соч. С. 49–54.

¹⁷⁵Астемиров З. А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних и проблемы применения к ним лишения свободы : автореф. дис... д-ра юрид. наук : 12.715 : [место защиты : Высш. школа МВД СССР]. М., 1971. С. 5–7. Цит по: Агильдин В. В. Указ. соч. С. 49–54.

¹⁷⁶См. напр. : Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 65–68.

дующих суток¹⁷⁷. Вместе с тем на практике возможны ситуации, когда сотрудникам правоохранительных органов сделать это самостоятельно не представляется возможным в силу отсутствия достаточных и достоверных сведений, позволяющих установить возраст виновного.

В подобных ситуациях назначается судебно-медицинская экспертиза (СМЭ) и, как указывает Пленум Верховного суда Российской Федерации, при установлении возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица.

С учетом указанного уголовно-правовое значение возраста лица, совершившего общественно опасное деяние, связывается, во-первых, с установлением оснований для уголовной ответственности, и в этом случае недостижение лицом установленного законом возраста свидетельствует об отсутствии указанных оснований в связи с отсутствием состава преступления. Во-вторых, возраст лица также имеет значение для квалификации совершенного деяния, и в этом случае, как правило, речь идет о специальном субъекте преступления, чей возраст либо прямо указывается законодателем в диспозиции нормы Особенной части уголовного закона, либо вытекает из ее толкования (например, выполнение профессиональных или должностных обязанностей). В-третьих, возраст лица имеет значение для индивидуализации ответственности, что вытекает из признания несовершеннолетия субъекта преступления обстоятельством, смягчающим наказание (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ), сокращенного перечня видов наказаний и правил их назначения, а также более лояльного, чем для взрослых лиц, законодательного подхода к определению вопросов освобо-

¹⁷⁷Верховный суд РФ. Постановления Пленума. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : от 01. 02. 2011 № 1. П. 5 // Российская газета. № 29. 11.02.2011.

ждения несовершеннолетних преступников от ответственности и наказания, исчисления сроков судимости.

2.5. Соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника»

Понятие личности преступника используется в уголовном праве применительно к отдельным уголовно-правовым нормам и институтам¹⁷⁸, а также для решения вопросов индивидуализации уголовной ответственности и наказания¹⁷⁹. В связи с этим отмечается, что в уголовно-правовом разрезе понятие личности преступника предполагает «изучение различных социально значимых свойств, характеризующих типичный портрет <...> лица, склонного к совершению преступлений определенных категорий, а также с точки зрения уголовного права имеющих значение для индивидуализации наказания»¹⁸⁰.

Так, раскрывая содержание принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), законодатель связывает его с соответствием наказания и иных мер уголовно-правового характера в т. ч. и личности виновного. В ч. 3 ст. 47 УК РФ предписывается необходимость учета личности виновного при назначении наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. Аналогичные положения содержатся и в иных статьях, регламентирующих особенности назначения отдельных видов наказаний: в ст. 48 УК РФ «Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград», ст. 55 УК РФ «Содержание в дисцип-

¹⁷⁸См., напр.: Тенчов Э. С. Общественная опасность личности преступника и основание специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Личность преступника и уголовная ответственность: межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. С. 98–106.

¹⁷⁹См., напр.: Герцензон А. А. Уголовный закон и личность преступника. М., 1968. С. 18; Лейкина Н. С. Указ. соч.

¹⁸⁰Варданян А. В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 244–251.

ливарной воинской части», ст. 58 УК РФ «Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения». Кроме того, устанавливая общие начала назначения наказания в ст. 60 УК РФ, законодатель обязывает суд учитывать и личность виновного наряду с иными обстоятельствами. Разъясняя положения ч. 3 ст. 60 УК РФ, Пленум Верховного суда Российской Федерации указывает, что к «характеризующим виновного сведениям, которыми располагает суд при вынесении приговора», относятся «данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)»¹⁸¹.

Далее законодатель обращает внимание на личность виновного в связи с необходимостью учета состояния опьянения (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ), назначением наказания соучастникам преступления (ст. 67 УК РФ) и условного осуждения (ч. 3 ст. 73 УК РФ; чч. 6. 2 и 7 ст. 88 УК РФ), а также в связи с назначением наказания несовершеннолетнему лицу (ст. 89, 96 УК РФ).

Исходя из указанного, можно утверждать, что личность преступника имеет уголовно-правовое значение в рамках индивидуализации ответственности. В уголовном законе отсутствуют нормы, связывающие задачу квалификации преступлений с установлением признаков личности преступника. При этом исключением не являются нормы, устанавливающие ответственность за преступления со специальным субъектом, поскольку в данном случае речь идет все же именно о субъекте деяния как об элементе состава преступления. Отсюда следует, что если субъект преступления является конструктивным признаком состава преступления и необходимость его установления связывается с задачами квалификации деяния и дифференциации ответ-

¹⁸¹Верховный суд Российской Федерации. Постановления Пленума. О назначении судами Российской Федерации уголовного наказания: от 22.12.2015 № 58. П. 1 // Российская газета, № 295. 29.12.2015.

ственности, то о личности преступника следует говорить только как об обстоятельстве, подлежащем учету на этапе определения меры наказания. Как отмечает В. Г. Павлов, «субъект преступления» – это термин уголовно-правовой, который, скорее, определяет юридическую характеристику лица, совершившего преступление, и отличается от криминологического понятия «личность преступника»¹⁸².

Указанное соотношение справедливо для уголовно-правовых отношений и подчеркивает уголовно-правовое значение личности. Однако в рамках криминологии ключевое значение приобретает именно фигура личности преступника как криминологическая проекция субъекта преступления. Проще говоря, криминология, перенося юридическую конструкцию субъекта преступления на реальные общественные отношения и их участников, занимается изучением конкретного индивида, совершившего преступление, в контексте его социальных взаимодействий.

Криминологическая востребованность понятия личности преступника обусловлена тем, что «источники преступного поведения <...> фокусируются в личности преступника»¹⁸³, «объективные закономерности определяют поведение людей через их сознание»¹⁸⁴, «при исследовании механизма действия причин преступности самостоятельное значение приобретает криминологическое изучение личности преступника»¹⁸⁵.

Основу этого учения образуют выводы социологической науки, в рамках которой личность рассматривается как «социальное свойство индивида, совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия лица с другими людьми»¹⁸⁶, при этом

¹⁸² Павлов В. Г. Указ. соч. С. 23.

¹⁸³ Ратинов А. Р. Личность преступника и проблема ценности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 101.

¹⁸⁴ Номоконов В. А. О проблеме изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 5.

¹⁸⁵ Долгова А. И. Преступление и личность преступника в свете изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 8; Герцензон А. А. Указ. соч. С. 45.

¹⁸⁶ Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 7.

«всякое человеческое действие, всякий его поступок сам является уже единством внутреннего и внешнего»¹⁸⁷. Структура личности включает в себя три подсистемы: направленность личности («потребности, представления, ценностные ориентации, выступающие мотивами деятельности»), положение в системе общественных отношений («место в социальной структуре общества» – социальный статус) и «реальные формы жизнедеятельности людей – совокупность выполняемых социальных ролей»¹⁸⁸.

В криминологии структура личности представлена тремя подсистемами: нравственно-психологической (или нормативно-ценностной), социально-демографической и биологической (генетической). Значение выделения указанных подсистем связано с проблемой детерминации преступлений, в контексте которой сохраняет свою актуальность вопрос о соотношении биологического и социального личностных начал. В этой связи отмечается, что «в преступном поведении личности отражены генетическая предрасположенность и задатки: темперамент, характер, патологии. Особенности внешней среды не порождают преступное поведение, а только обуславливают психологию личности преступника и его действий в момент совершения преступления»¹⁸⁹.

Несмотря на пристальное внимание ученых к личности преступника на протяжении довольно длительного периода, на сегодняшний день однозначно ответить на вопрос о том, что же отличает личность преступника от личности законопослушного гражданина, не представляется возможным. Иными словами, не выявлена та личностная черта или особенность, присутствие которой было бы характерно для всех лиц, совершивших преступное деяние, и выявление которой до момента совершения преступления позволило бы его предупредить. Так, И. И. Карпец и А. Р. Ратинов указывали, что «преступников отличает не только

¹⁸⁷Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 153–154.

¹⁸⁸Немировский В. Г. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. М., 2008. С. 109.

¹⁸⁹Дьяков С. И., Шаблий И. В. Связь темперамента субъекта преступления с особенностями правонарушений // Психология и право. 2015. Т. 5. № 4. С. 26–39.

и не столько степень искажения их социального сознания, сколько качественное содержание имеющихся искажений»¹⁹⁰. К аналогичному выводу приходят современные ученые Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов: «... преступники от непреступников в целом отличаются нравственно-психологической спецификой»¹⁹¹.

Вместе с тем игнорирование особенностей личности преступника при изучении феномена преступного поведения невозможно в силу взаимосвязи «личность – социально значимое поведение», в которой последнее является проявлением личностных особенностей.

Важно, что личность преступника является предметом изучения не только криминологической науки. Так, отмечается, что «криминалистически значимые особенности лица, совершившего преступление (субъекта преступления), являются неотъемлемым элементом криминалистической характеристики определенной группы преступлений и рассматриваются как совокупность различных качеств (возрастных, гендерных, психологических, профессиональных, демографических и иных социально значимых), воплощающих в себе криминалистический портрет личности типичного преступника...»¹⁹². Несмотря на то что в фокусе криминалистической науки оказываются по большому счету характеристики, актуальные для криминологического исследования, они рассматриваются «в качественно ином ключе, не с точки зрения изучения причин, способствовавших совершению преступления определенной категории этим лицом, а с точки зрения использования данного криминалистического портрета потенциального преступника в организации раскрытия и расследования преступлений, разработке криминалистических версий, планировании и проведении отдельных следственных действий»¹⁹³.

¹⁹⁰Карпец И. И., Ратинов А. Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 49.

¹⁹¹См., напр.: Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М., 2014. С. 49.

¹⁹²Варданян А. В. Указ. соч. С. 244–251.

¹⁹³Варданян А. В. Указ. соч. С. 244–251.

Таким образом, говоря о соотношении субъекта преступления и личности преступника, необходимо подчеркнуть, что второе как бы наполняет формализованное «схематичное» понятие субъекта преступления, для которого законодатель выделяет лишь минимальный набор признаков, значимых для целей квалификации и привлечения к уголовной ответственности. Вместе с тем содержание этих признаков абсолютно бесполезно в контексте решения вопросов о причинах совершенного деяния, установления глубинных мотивов и характеристики механизма совершения преступления – об этом можно рассуждать применительно к конкретному индивиду, совершившему преступление, являющемуся носителем определенных социальных и биологических характеристик. Наконец, профилактические меры осуществляются в отношении отдельных индивидов, а не субъектов преступлений. Отсюда можно говорить о том, что личность преступника является криминологической проекцией уголовно-правового понятия субъекта преступления, учитывающей всю совокупность связей, отношений и психофизиологических свойств конкретного индивида. В литературе, раскрывая соотношение рассматриваемых понятий, авторы указывают, что «преступное деяние, как умышленное, так и совершенное по неосторожности, в той или иной мере является следствием и выражением социальных качеств, личностных свойств индивида, его общественного лица (антиобщественная направленность или нравственная противоречивость личности)»¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Указ. соч. С. 8, 16.

ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК РФ 1996 ГОДА

3.1. Понятие специального субъекта преступления по УК РФ 1996 года

Учеными отмечается, что «наибольшие трудности в понимании признаков субъекта конкретного преступления связаны с характеристикой специального субъекта»¹⁹⁵. Действительно, невзирая на то, что законодатель активно применяет институт специального субъекта при дифференциации уголовной ответственности, описании признаков составов конкретных преступных деяний и ограничении круга лиц, которые способны совершить то или иное преступление, в действующем уголовном законе отсутствует легальная дефиниция термина «специальный субъект преступлений». Отметим, что аналогичная ситуация имела место применительно к каждому из уголовных законов России, действовавших на том или ином историческом этапе.

В частности, обращение к основным отечественным уголовно-правовым актам дореволюционного и советского периодов показывает, что унифицированному подходу к определению данного термина законодатель неизменно предпочитал закрепление в диспозициях статей уголовного закона, устанавливающих ответственность за отдельные деяния, конкретных его признаков.

В этом плане действующий УК РФ 1996 г. в некотором смысле следует признать исключением в связи с существованием в нем нормы ч. 4 ст. 34, регламентирующей особенности квалификации деяний, совершенных субъектом преступления, признаки которого специально указаны в соответствующей статье Особенной части (ч. 4 ст. 34), совместно с лицом, такими признаками не обладающим. Данное законодательное решение предоставило новые возможности для развития учения о соучастии, однако не

¹⁹⁵Галахова А. В. Субъект преступления и его толкование в судебной практике // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 38–42.

прекратило научные дискуссии по поводу понятия специального субъекта преступления в связи с отсутствием необходимой для этого основы в виде нормы-дефиниции в Общей части уголовного закона. По-прежнему законодатель предпочитает перечислить конкретные признаки специального субъекта преступления в нормах Особенной части.

С учетом указанного неудивительно, что исследователю необходимо обращаться к анализу этих признаков, чтобы на его основе сделать вывод о природе специального субъекта преступления, его уголовно-правовом значении и специфике квалификации соответствующих видов деяний. В науке в связи с этим предложено существенное количество дефиниций искомого понятия, а также классификаций специальных признаков. Отсюда же вытекают проблемы в правоприменительной деятельности.

Одним из первых авторов, привлечших внимание научной общественности к институту специального субъекта, является В. С. Орлов, написавший монографию «Субъект преступления по советскому уголовному праву» (1958). Вполне обоснованным выглядит утверждение о том, что подход к определению понятия, его признаков и значения самого института, разделявшийся большинством советских правоведов, был сформулирован именно на страницах данной работы. Согласно этому подходу, специальный субъект преступления характеризуется особыми дополнительными признаками, указанными в статье Особенной части УК РФ¹⁹⁶. Абсолютное большинство современных учебников по уголовному праву Российской Федерации использует именно это определение специального субъекта преступления¹⁹⁷, именно по

¹⁹⁶ См.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 138; Лазарев А. М. Субъект преступления. М., 1981. С. 9; Панько К. А. Рецидив в советском уголовном праве : учеб. пособие. Воронеж, 1983. С. 72; Павлов В. Г. Субъект преступления: история, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Владимир Григорьевич Павлов. СПб., 2000. С. 271.

¹⁹⁷ См., напр.: Иванов Н. Г. Уголовное право России: Общая и Особенная части : учебник. М., 2003. С. 181; Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении. Общая часть: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 291; Уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. М. А. Кириллова, В. И. Омигова. Чебоксары, 2009. С. 226–227; Уголовное право России: части Общая и Особенная : учебник / под ред.

этой причине его можно назвать традиционным. Важно подчеркнуть, что основой указанного определения является формальный подход, так как решения вопроса об отнесении субъекта совершенного деяния к специальным нет – достаточно установления факта закрепления его дополнительных признаков в диспозиции уголовно-правовой нормы.

В то же время другие ученые предпринимали попытки сформулировать альтернативные дефиниции, отличающиеся от традиционного определения по смысловому объему. В частности, Р. Р. Орымбаев, Ш. С. Рашковская, Н. С. Лейкина и Н. П. Грабовская в предлагаемых определениях отмечали связь специальных признаков субъекта преступления с деятельностью или характером обязанностей, возложенных на лицо, в силу которых только оно может совершить данное преступление¹⁹⁸. Очевидно, что подобный вариант понимания термина уже, чем определение В. С. Орлова, хотя и он подчеркивал значение категории «обязанности» в контексте содержания специальных признаков субъекта. Так, правовое значение обязанности ученый связывал со «спецификой отдельных видов преступлений, совершение которых возможно только в связи с определенной деятельностью людей, в связи с выполнением возложенных на них определенных обязанностей»¹⁹⁹. Важно, что ранее подобная мысль была высказана и А. Н. Трайниным в рамках учения о составе преступления²⁰⁰.

Тот факт, что данная позиция не получила широкой научной поддержки в кругу занимавшихся этой проблемой, можно объяс-

А. В. Бриллиантова. М., 2009. С. 181; Уголовное право России: Общая часть : учебник / под ред. В. А. Вайпан, В. П. Ревин. М., 2010. С. 172.

¹⁹⁸ Орымбаев Р. Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977. С. 46; Рашковская Ш. С. Субъект преступления / Советское уголовное право: часть Общая / под ред. М. А. Гельфер, П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М., 1960. Вып. 6. С. 6–7; Курс советского уголовного права: Т. 1: часть Общая: учебник / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 389.

¹⁹⁹ Орлов В. С. Указ. соч. С. 138.

²⁰⁰ Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 215.

нить «увеличением количества составов со специальным субъектом, расширением представления о дополнительных признаках»²⁰¹.

Интересно, что некоторые авторы считали нужным указать в дефиниции понятия на исполнительскую роль специального субъекта при совершении преступления в соучастии²⁰². Это мнение поддерживается и в современной науке²⁰³, что связано с непрекращающейся дискуссией вокруг проблемы соучастия со специальным субъектом.

Как видим, в рамках формального подхода, имеющего статус общепризнанного в теории уголовного права, основное различие между специальным и неспециальным (общим) субъектами сводится к наличию дополнительных характеристик, указанных в законе, кроме общих признаков возраста, вменяемости и физической сущности. Как и предыдущие уголовные законы, УК РФ 1996 г. содержит значительное число «социальных, социально-демографических и социально-психологических»²⁰⁴ характеристик специального субъекта преступления. Более того, можно говорить о тенденции специализации отечественного уголовного закона, подтверждением чему является продолжающееся увеличение норм о преступлениях со специальным субъектом. В этой связи очевидной становится необходимость в разработке дефиниции искомого термина и придания ей статуса легальной.

Автором настоящего пособия в рамках работы над кандидатской диссертацией была предпринята попытка сформулировать оригинальный подход к изучению института специального субъекта, именуемого криминолого-правовым²⁰⁵. Особенностью дан-

²⁰¹Жуковский В. И. Субъект преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : [место защиты : Ставроп. гос. ун-т] / Жуковский Владимир Ильич. Ставрополь, 2002. С. 97.

²⁰²Владимиров В. А., Левицкий Л. В. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964. С. 8.

²⁰³См., напр. : Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сергей Александрович Семенов. М., 1999. С. 12.

²⁰⁴Лейкина Н. С. Указ. соч. С. 327.

²⁰⁵Караваева Ю. С. Специальный субъект преступления: криминолого-правовой подход : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 5.10.2017 : [место защиты : Ом. акад. МВД РФ] / Юлия Станиславовна Караваева. Омск, 2017. 198 с.

ного подхода явилось сочетание исследовательских методов уголовно-правовой и криминологической наук, что в итоге позволило дополнить формальный подход к определению тех или иных правовых институтов обращением к их эмпирическому, социальному содержанию, что, в свою очередь, предоставляло возможность преодоления узкоформализованного их видения, характерного для уголовного права.

В рамках криминологико-правового подхода понятие специального субъекта преступления можно сформулировать следующим образом: это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности и совершившее преступление путем использования своего социального статуса или роли. При этом специальным признаком субъекта преступления является закрепленное в уголовно-правовой норме описание его социального статуса или роли. В криминологико-правовом смысле понятия «статус» и «роль» оказываются равнозначными, поскольку роль предполагает наличие соответствующего статуса у субъекта, а указание на нее связано с особенностями законодательной техники, когда в качестве специального признака субъекта выступает именно ролевое поведение.

Термин «преступление со специальным субъектом» автор предлагает понимать как преступление, совершенное путем противоправного использования субъектом социального статуса или невыполнения (ненадлежащего выполнения) социальной роли, требования к выполнению которой регламентированы существующими правилами поведения, в т. ч. нормативного характера.

Главное во взаимосвязи социального статуса и роли заключается в том, что содержание роли, т. е. требований и ожиданий общества к поведению лица (экспектаций), предопределяется социальным статусом субъекта. На основе взаимосвязи законодателем сформулировано большинство диспозиций норм Особенной части УК РФ, которые специально указывают на признаки субъекта преступления посредством различных приемов юридической техники. Так, в одном случае указывается на социальный статус

субъекта (например, сотрудник органов внутренних дел, должностное лицо, судья, свидетель, родители, лицо, отбывающее срок лишения свободы). В другом случае дается описание ролевого поведения, требуемого от субъекта в связи с его определенным статусом (например, лицо, обязанное соблюдать правила безопасности при ведении горных, строительных и иных работ, лицо, обязанное соблюдать правила техники безопасности или иных правил охраны труда). Кроме того, встречаются также нормы, в которых имеет место указание на статус и роль одновременно (например, капитан судна, не оказавший помощь людям, терпящим бедствие на море или на ином водном пути).

Выбор того или иного типа описания специальных признаков субъекта предопределяется степенью конкретизации действий, которые образуют способ выполнения объективной стороны конкретного состава преступления²⁰⁶. В ряде случаев бланкетный характер норм обуславливает необходимость обращения к иным нормативным документам различного уровня при квалификации преступлений со специальным субъектом. Так, по делу Кулаковой, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, установлен факт неправомерного введения ею платной услуги по подтверждению ветеринарно-санитарной безопасности и ветеринарно-санитарной оценке подконтрольных предприятий в нарушение норм закона РФ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии», правил организации работы по оформлению ветеринарных сопроводительных документов, утвержденных приказом Минсельхоза России от 17.07.2014 г. № 281, закона Кировской области от 30.07.2009 г. № 404-ЗО «О ветеринарии в Кировской области»²⁰⁷.

²⁰⁶Прим.: в криминологическом-правовом смысле понятия «статус» и «роль» оказываются равнозначными, поскольку роль предполагает наличие соответствующего статуса у субъекта, а указание на нее связано с особенностями законодательной техники, когда в качестве специального признака субъекта выступает именно ролевое поведение.

²⁰⁷Кировская область. Кировский областной суд. Приговор по делу № 22-822/2019 : от 29.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2019).

Кроме того, в некоторых случаях содержание признаков специального субъекта преступления разъясняется Пленумом Верховного суда Российской Федерации. В частности, согласно ч. 2 постановления Пленума верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», субъектом преступлений, предусмотренных статьями 264 и 264.1 УК РФ, является достигшее 16-летнего возраста лицо, управлявшее автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством, предназначенным для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. Им признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления указанным видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транспортным средством, в т. ч. лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение правил дорожного движения, лицо, не имевшее либо лишенное права управления соответствующим видом транспортного средства, а также лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением²⁰⁸.

Вместе с тем некоторые статьи Особенной части УК РФ называют дополнительные характеристики субъекта преступления, которые нельзя однозначно отнести к характеристикам социального статуса или роли, руководствуясь криминологическим подходом. Справедливости ради следует отметить, что среди сторонников традиционного подхода к определению специального субъекта преступления единогласия по поводу отнесения

²⁰⁸Верховный суд РФ. Постановления Пленума. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : от 09.12.2008 № 25 // Российская газета. № 265. 26.12.2008.

данных признаков к специальным признакам субъекта, нет. Речь идет о признаках, характеризующих:

– психоэмоциональное состояние лица в момент совершения преступления (аффект) – ст. 107, 113 УК РФ;

– соматическое состояние субъекта в момент совершения преступления (наличие ИППП, ВИЧ-инфекции) – ст. 121, 122 УК РФ;

– гендерную роль субъекта (мужчина, женщина) – ст. 131, 132, 133 УК РФ;

– возраст субъекта (достижение 18 лет) – ст. 134, 135, ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151 УК РФ;

– факт занятий лицом противоправной деятельностью – наличие судимости за ранее совершенные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего – ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ;

– занятие лицом высшего положения в преступной иерархии – ч. 4 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ;

– привлечение лица к административной ответственности – ст. 116.1, 158. 1, 264.1 УК РФ.

Так, в частности, в науке уголовного права вопрос об отношении возраста и пола к специальным признакам субъекта преступления продолжает оставаться спорным со времен исследований советских криминалистов. Большинство ученых все же включает эти качества в классификационные группы социально-демографических или биологических признаков²⁰⁹. В то же время эта позиция поддерживается далеко не всеми: в частности, в

²⁰⁹См., напр. : Курс советского уголовного права. Т. 1: часть Общая : учебник / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 391; Орымбаев Р. Р. Указ. соч. С. 50; Устименко В. В. Специальный субъект преступления: понятие, виды, некоторые вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Виктор Васильевич Устименко. Харьков, 1983. С. 39; Тарасова Ю. В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : [место защиты : Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ] / Юлия Владимировна Тарасова. М., 2006. С. 93–101; Жуковский В. И. Указ. соч. С. 118–119; Крюкова О. Ю. Специальный субъект в преступлениях, посягающих на нормальное функционирование органов и учреждений, реализующих лишение свободы, арест, содержание под стражей: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 11.11.2010 : [место защиты : Мос. гос. лингв. ун-т] / Ольга Юрьевна Крюкова. Вологда, 2010. С. 32–35.

предложенную С. И. Захарчуком классификацию спорные признаки не включены²¹⁰. С. С. Аветисян, акцентируя внимание на принципиальном значении детерминации между специальным объектом преступления и специальным субъектом, исключает «признаки пола, другие демографические признаки, соматическое состояние субъекта, наличие прошлой судимости» из перечня специальных признаков субъекта преступления²¹¹.

Таким образом, с криминологико-правовой точки зрения специальный субъект преступления – это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности и совершившее преступление путем использования своего социального статуса или роли.

Специальный признак субъекта преступления – это закрепленное в уголовно-правовой норме описание его социального статуса или роли. В зависимости от наличия либо отсутствия нормативной определенности уголовно-значимых социального статуса и роли, а также степени вовлеченности индивидуальных личностных качеств субъекта в деятельность по выполнению ролевых требований, следует различать узкоспециального и специального субъектов преступления. При этом для узкоспециального субъекта преступления характерно наличие высокоформализованных социальных статуса и роли, описание которых содержится в диспозициях норм Особенной части УК РФ, а выполнение ролевых требований отражает личностные качества лица. Специальный субъект преступления отличается тем, что его дополнительные признаки, указанные в диспозициях статей Особенной части УК РФ, не являются характеристиками социальных статуса и роли.

²¹⁰Захарчук С. И. Неосторожные преступления со специальным субъектом: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 22.05.2007 : [место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т] / Сергей Иванович Захарчук. М., 2007. С. 37–40.

²¹¹Аветисян С. С. Соучастие в преступлениях со специальным составом : Теория и практика правового регулирования : автореф. дис. ... док. юрид. наук : 12.00.08 : защ. : 35.05.2005 : [место защиты : Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ] / Сержик Сергеевич Аветисян. М., 2005. С. 148–149.

Преступление со специальным субъектом – это преступление, совершенное путем противоправного использования субъектом социального статуса или невыполнения (ненадлежащего выполнения) социальной роли вопреки установленным правилам поведения, в т. ч. нормативного характера.

3.2. Виды специального субъекта преступления по УК РФ 1996 года

Достаточно обширный перечень специальных признаков субъекта преступления, закрепленный в нормах Особенной части уголовного закона, обуславливает необходимость в их упорядочении. Представляется целесообразным в этих целях использовать научный метод классификации, суть которого сводится к «систематическому делению и упорядочению понятий и предметов»²¹². Помимо этого, исследование групп, выделяемых с учетом какого-либо общего критерия, само по себе позволяет выявить иные черты сходства и различия систематизируемых понятий и в итоге определить их сущностные особенности.

При классификации специальных признаков субъекта преступления авторы исходят из общепринятого в уголовно-правовой науке определения понятия, согласно которому решающее значение придается факту обладания субъектом любыми дополнительными признаками, указанными в норме Особенной части УК РФ. Отсюда в каждой из предложенных классификаций признаков специального субъекта по критерию их правовой природы, как правило, содержатся группы признаков, которые характеризуют правовое положение субъекта, личность субъекта²¹³ (включая физические признаки²¹⁴ или признаки демографического характера²¹⁵).

²¹²Философский энциклопедический словарь. М., 2004. С. 1012.

²¹³См., напр. : Устименко В. В. Указ. соч. С. 39; Макарова Т. Г. Уголовно-правовая характеристика соучастия в преступлении со специальным субъектом. СПб., 2002. С. 43.

Кроме этого, выделяются и иные группы специальных признаков, которые характеризуют, в частности:

- специфику преступных действий субъекта²¹⁶;
- взаимоотношения с потерпевшим²¹⁷;
- должностное положение, особые качества выполняемой работы (у некоторых авторов – профессию или род деятельности)²¹⁸;
- прошлую антисоциальную деятельность лица или повторность²¹⁹.

Вместе с тем можно обнаружить и более детальные классификации. К примеру, Ш. С. Рашковская выделила такие признаки, как: 1) обязанности, возлагаемые на граждан в отношении обороноспособности СССР и порядка несения воинской службы; 2) обязанности, возлагаемые в отношении органов правосудия; 3) обязанности, возлагаемые в отношении других лиц; 4) определенное положение лица по отношению к государственному, общественному или личному имуществу; 5) правовой статус привлеченного к уголовной ответственности, осужденного к отбытию отдельных видов наказаний, некоторых категорий лиц, отбывших наказание²²⁰.

В юридической литературе встречаются также классификации не признаков, а видов специального субъекта преступления в зависимости от характера и содержания признаков. В частности,

²¹⁴См., напр.: Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве : учеб. пособие. Владивосток, 1970. С. 90–91; Жуковский В. И. Указ. соч. С. 118–119; Семенов С. А. Указ. соч. С. 84–88.

²¹⁵См., напр. : Курс советского уголовного права. Т. 1: часть Общая : учебник / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 391; Орымбаев Р. Р. Указ. соч. С. 50; Уголовное право: Общая и Особенная части : учебник / под ред. В. Ю. Малаховой. М., 2011. С. 117.

²¹⁶Устименко В. В. Указ. соч. С. 39.

²¹⁷Семенов С. А. Указ. соч. С. 88–89; Жуковский В. И. Указ. соч. С. 118–119; Дагель П. С. Указ. соч. С. 90–91; Советское уголовное право: часть Общая: учебник. М., 1972. С. 204–206.

²¹⁸Курс советского уголовного права : учебник. Т. 1 : часть Общая / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 391; Дагель П. С. Указ. соч. С. 90–91; Орымбаев Р. Р. Указ. соч. С. 50; Семенов С. А. Указ. соч. С. 88–89; Советское уголовное право: часть Общая : учебник. М., 1972. С. 204–206.

²¹⁹Орымбаев Р. Р. Указ. соч. С. 50.

²²⁰Советское уголовное право: часть Общая : учебник. М., 1972. С. 204–206.

Э. А. Бачурин использует именно этот вариант, различая специальных субъектов, признаки которых детерминированы объектом посягательства и личностью совершившего деяние²²¹.

Специальные признаки субъекта могут быть классифицированы также по иным основаниям, а именно по количеству признаков, присущих субъекту, и степени общественной опасности личности преступника²²² или специфике самих признаков²²³.

При обращении к криминологическому-правовому подходу к рассмотрению института специального субъекта, отметим, что, поскольку и социальный статус, и социальная роль индивида приобретают значение только в рамках его реального взаимодействия с другими членами общества, целесообразно за основу классификации специальных признаков субъекта взять сферы, в которых осуществляются однотипные взаимодействия и в которых статус приобретает криминогенное значение. С учетом этого, к примеру, характеристика совершеннолетнего возраста индивида имеет криминологическое-правовое значение не сама по себе, а только в контексте взаимодействий совершеннолетнего субъекта с лицами, не достигшими возраста восемнадцати лет.

Используя предложенный критерий, не претендуя на его абсолютность, классификацию статусно-ролевых признаков специального субъекта преступления можно представить следующим образом.

1. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере взаимоотношений с потерпевшим, например мать новорожденного (ст. 106), материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного (ч. 2 ст. 120), обязанность иметь об оставленном заботу (ст. 125), родители (ч. 2 ст. 150 и

²²¹Бачурин Э. А. Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 27.12.2005 : [место защиты : Краснояр. гос. ун-т.] / Эрнест Альбертович Бачурин. Красноярск, 2005. С. 136.

²²²Милюков С. Ф., Труфанов В. В. Рецензия на книгу Р. Орымбаева «Специальный субъект преступления» // Правоведение. 1980. № 3. С. 109–110.

²²³Наумов А. В. Российское уголовное право: Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 216–217.

151, ст. 156, ч. 1 ст. 157), лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151, ст. 151. 2) и др.

2. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере осуществления служебной деятельности, например работодатель (ст. 145), выполнение управленческих функций в коммерческой и иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением (ст. 199.2, 201, 202, 203, ч. 5–8 ст. 204, 204.2, 304), должностное лицо (ст. ст. 140, 149, 169, 170, 215. 1, 237, 285–287, 289–290, 292–293, 315, ч. 2 ст. 354), прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судья (ст. 299–302, ч. 2 ст. 303, ст. 305) и др.

3. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта, не обладающего должностными полномочиями, в сфере судопроизводства, включая исполнение наказания, участие лица в рассмотрении гражданского дела в суде (ч. 1 ст. 303), полномочия по представительству лица, участвующего в рассмотрении гражданского дела в суде (ч. 1 ст. 303), статус свидетеля (ст. 307, 308, 310) или потерпевшего (ст. ст. 307, 308, 310).

4. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в профессиональной сфере или в связи с родом деятельности, например отсутствие высшего медицинского образования соответствующего профиля (ч. 1 ст. 123), статус индивидуального предпринимателя (ст. ст. 145. 1, 159. 4, 171, ч. 1 ст. 176, ст. ст. 178, 195, 196, 197, 199. 2), наличие профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. ст. 109 и 118, ч. 4 ст. 122) и др.²²⁴

Уголовно-значимые социальные статусы и роли, связанные с преступным поведением субъекта, для каждой из этих сфер образуют обширный перечень. Однако в каждом случае суть наказуемого статусного поведения неизменно связывается с его несоответствием «нормативно одобренному образу поведения, ожи-

²²⁴В полном объеме содержание данных классификационных групп представлено в приложении 1 «Виды специальных признаков субъекта преступления».

даемому от каждого, занимающего данную позицию»²²⁵. В каждом случае специфика отражается законодателем в характеристиках объективной стороны деяний и, как правило, их объектов, состояние защищенности которых напрямую зависит от соблюдения носителем статуса соответствующих ролевых требований.

Наряду с предложенными можно также выделить классификационные группы уголовно значимых статусов и ролей, характеризующих специального субъекта умышленных и неосторожных деяний. Последними признаются деяния, совершенные специальным субъектом при осуществлении профессиональной или иной деятельности. Законодательно закреплены, например, такие статусно-ролевые характеристики субъектов таких деяний, как наличие профессиональных обязанностей (чч. 2 ст. ст. 109 и 118, ч. 4 ст. 122), отсутствие высшего медицинского образования соответствующего профиля (ч. 3 ст. 123), обязанность оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правилом (ст. 124) и др.

Умышленные преступления субъектов, включенных в профессиональные правоотношения, можно рассматривать как сознательное искажение порядка реализации трудовых функций, точное исполнение которых гарантирует соблюдение интересов определенного круга лиц: беременной женщины, принявшей решение об аборте, работников, требующих вознаграждения за труд, страховщика и т. д.

Общественная опасность неосторожной преступности обусловлена широкой распространенностью неосторожных деяний и дальнейшим ростом их количества, высоким уровнем их латентности и характеристиками преступного вреда. Так, например, согласно исследованиям, удельный вес неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, в структуре преступности в сфере здравоохранения вырос с

²²⁵Кон И. С. Указ. соч. С. 14, 23.

10 до 20–25 %²²⁶. Вследствие этого вывод о повышенной общественной опасности неосторожных преступлений в сравнении с умышленными является признанной истиной в науке²²⁷.

При этом в сфере уголовно-правового регулирования оказываются такие типичные случаи ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей или несоблюдения правил деятельности, которые с высокой долей вероятности ведут к неосторожным последствиям в виде причинения смерти, значительного материального ущерба или существенного вреда окружающей среде²²⁸.

Криминологической проекцией классификации статусно-ролевого положения в зависимости от места в иерархии статусов является различие их по степени криминогенности, поскольку занятие некоторых уголовно значимых статусов сопряжено с приобретением доступа к властно-материальным ресурсам и различного рода юридических гарантий, что повышает общественную опасность совершаемых деяний и деятелей. Отсюда критерием построения иерархии уголовно-значимых социальных статусов следует избрать законодательную оценку общественной опасности преступлений, совершаемых субъектом в рамках ролевой деятельности. Анализ санкций уголовно-правовых норм показывает, что, по мнению законодателя, наибольшую общественную опасность представляют преступления, совершаемые пу-

²²⁶Габай П. Г. К вопросу о детерминации неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи // Российский следователь. 2014. № 2. С. 25–29.

²²⁷См., напр: Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 342; Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 22–25; Захарчук С. И. Указ. соч. С. 4.

²²⁸См., например: Кедрин А. Закончено следствие по факту аварии на Саяно-Шушенской ГЭС [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/06/27/reg-sibfo/ges-anons.html> (дата обращения: 01.02.2016); Авария на Саяно-Шушенской ГЭС [Электронный ресурс] URL: http://www.nikitinskiy.ru/blog/avaria_na_sayano_shushenskoi_ges/2009-08-20-27 (дата обращения: 25.02.2015); Пожар в ночном клубе «Хромая лошадь». Хроника событий [Электронный ресурс]. URL: <http://prm.ru/perm/42659/> (дата обращения: 25.06.2015); Потапова Ю. Обвиняемые по делу шахты «Ульяновская» признали вину частично [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/05/13/reg-sibfo/otnosheniye-anons.html> (дата обращения: 01.02.2016); Затонул теплоход «Булгария» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/news/seealso/1918221.shtml> (дата обращения: 25.06.2015).

тем использования субъектом социального статуса в сфере служебной деятельности, поскольку в качестве основных наказаний за них чаще всего предусмотрено лишение свободы на определенный срок (80,4 %).

Таким образом, в качестве критерия классификации уголовно значимых социальных статусов и ролей выступает сфера, в которой осуществляются однотипные взаимодействия индивидов и в которых статус приобретает криминогенное значение. Выбор критерия обусловлен самой природой социального статуса и социальной роли, имеющих значение только в рамках реального взаимодействия субъекта с другими членами общества.

С учетом данного критерия классификация статусно-ролевых признаков специального субъекта преступления выглядит следующим образом:

- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере взаимоотношений с потерпевшим;
- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере осуществления служебной деятельности;
- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта, не обладающего должностными полномочиями, в сфере судопроизводства, включая исполнение наказания;
- признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в профессиональной сфере или в связи с родом деятельности.

3.3. Уголовно-правовое значение института специального субъекта преступления

Анализ уголовно-правовых норм, закрепляющих те или иные статусно-ролевые признаки специального субъекта преступления, позволяет прийти к выводу, что функциональное значение этих норм различается.

По поводу указанных функций в науке высказаны различные мнения: так, наличие ограничительной функции отмечали П. С. Дагель²²⁹, В. В. Устименко²³⁰, А. Н. Трайнин²³¹, В. В. Голубев²³², Н. С. Лейкина²³³. Наличие функции определения оснований уголовной ответственности (конструктивная функция) утверждали В. Н. Кудрявцев²³⁴, С. А. Семенов²³⁵, Б. В. Волженкин²³⁶, Т. Г. Макарова²³⁷. Возражения относительно выделения ограничительной функции высказаны Э. А. Бачуриным, предложившим рассматривать в качестве функций специального субъекта идентификационную (информационную) и функцию установления и дифференциации уголовной ответственности²³⁸.

В частности, функция определения оснований уголовной ответственности связана с включением специальных признаков субъекта в состав деяния в качестве конструктивных, т. е. таких, отсутствие которых «свидетельствует об отсутствии данного преступления вообще»²³⁹. Выступая в качестве признаков субъекта как элемента состава деяния, они направлены на решение задач квалификации преступления, например, лицо, больное венерическим заболеванием (ст. 121 УК РФ), лицо, обязанное оказывать помощь больному (ст. 124 УК РФ), должностное лицо (ст. ст. 140, 285, 286, 290 УК РФ) и др. Следует отметить, что научное исследование института специального субъекта преступления первоначально осуществлялось именно в рамках учения о составе преступления.

²²⁹Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 90.

²³⁰Устименко В. В. Указ. соч. С. 20–21.

²³¹Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 191, 194.

²³²Голубев В. Специальный субъект преступления // Советское государство и право. 1984. № 12. С. 7–8.

²³³Лейкина Н. С. Указ. соч. С. 327.

²³⁴Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 57, 60.

²³⁵Семенов С. А. Указ. соч. С. 80–81.

²³⁶Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 13.

²³⁷Макарова Т. Г. Указ. соч. С. 43.

²³⁸Бачурин Э. А. Указ. соч. С. 103.

²³⁹Тарасова Ю. В. Специальный субъект преступления как элемент основных составов преступлений // Российский следователь. 2007. № 5. С. 36.

Данная функция находится в неразрывной связи с идентификационной функцией специального субъекта преступления. Последняя имеет особое значение для процесса квалификации деяния, поскольку в результате сопоставления нормативно закрепленных уголовно-правовых характеристик субъекта с фактическими характеристиками социального статуса и роли подозреваемого (обвиняемого) можно сделать вывод о наличии состава преступления со специальным субъектом в действиях указанного лица.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации действия врача-педиатра Н. пере-квалифицированы со ст. 290 УК РФ на ст. 233 УК РФ на том основании, что, исходя из должностной инструкции врача-педиатра городской больницы и из приказов о полномочиях врача, Н. как рядовой врач-педиатр не обладал ни организационно-распорядительными, ни административно-хозяйственными функциями и поэтому не являлся должностным лицом. Следовательно, он не может рассматриваться как субъект должностного преступления²⁴⁰.

Выступая в качестве конструктивного (криминообразующего) признака какого-либо состава преступления, специальный признак субъекта в силу взаимной детерминации элементов состава преступления обязательно отражается на признаках иных элементов того же состава²⁴¹. Это соответствует основным положениям теории систем, исходя из которой «в целостной системе связь между компонентами настолько тесна и органична, что изменение одних из них, тем более существенных, с необходимостью вызывает то или иное изменение других, а нередко и систе-

²⁴⁰Верховный суд РФ. Судебная коллегия. Определения. Определение от 06.11.2001 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2003. № 1. С. 19.

²⁴¹Прим.: Эта позиция разделяется авторами учебника по Общей части уголовного права под редакцией А. В. Бриллиантова. В частности, определение специального субъекта преступления сопровождается тезисом о том, что признаки данного субъекта «указывают не только на специфичность самого субъекта преступления, но и всего состава преступления в целом» (Уголовное право России: части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2009. С. 182).

мы в целом»²⁴². В рамках общенаучного системного подхода состав преступления предстает как «система, т. е. целостное единство множественности (а не просто совокупность)»²⁴³ и «слагается из ряда взаимосвязанных подсистем и их элементов»²⁴⁴. О наличии неразрывных связей и взаимодействия объективных и субъективных признаков состава преступления писал А. А. Герцензон²⁴⁵.

Поскольку элементы состава взаимосвязаны, постольку какая-либо специфическая характеристика одного из них обязательно должна отразиться на признаках других элементов.

В частности, если «субъективная сторона представляет собой своеобразную «модель» объективной стороны состава в психике субъекта»²⁴⁶, то в силу взаимообусловленности элементов состава специальный субъект осознает факты преступного использования своего социального статуса или нарушения требований своей социальной роли и причинения вреда конкретным объектам. Этот нюанс имеет значение для характеристики субъективной стороны в составах преступлений со специальным субъектом, интеллектуальный аспект которой расширяется за счет осознания субъектом противоправности нарушения им установленных правил²⁴⁷.

В составе преступления со специальным субъектом спецификой обладают также объект и объективная сторона. В частности, анализируя механизм воздействия субъекта на объект посягательства – общественные отношения, В. Н. Кудрявцев прихо-

²⁴²Афанасьев В. Системность и общество. М., 1980. С. 25.

²⁴³Курс уголовного права : учебник : в 5 т. Т. 1 : Учение о преступлении. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 172.

²⁴⁴Там же. С. 172.

²⁴⁵Герцензон А. А. Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. С. 284.

²⁴⁶Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 171.

²⁴⁷См., напр. : Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 84; Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980. С. 29; Кузнецов А. А. Осознание общественной опасности использования лицом служебного положения при совершении хищений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1. С. 72–73; Наумов А. В. Указ. соч. С. 210; Курс уголовного права : учебник : в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 308; Галиакбаров Р. Р. Уголовное право: Общая часть: конспекты лекций и иные материалы. Краснодар, 1999. С. 152.

дит к выводу, что в силу специфики некоторых объектов уголовно-правовой охраны – сфер общественной жизни, только действиями их участников могут быть вызваны преступные последствия в указанных сферах²⁴⁸.

Действительно, преступления со специальным субъектом – это деяния, в которых сама возможность посягательства на объект уголовно-правовой охраны обусловлена наличием соответствующих прав и обязанностей субъекта преступления, при этом содержание последних предопределяется характеристиками этого объекта. В двуобъектных преступлениях спецификой обладает либо основной, либо дополнительный объект.

Так, врач-гинеколог Юрченко обвинялся в причинении смерти Р. вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ), поскольку во время проведения Юрченко гистероскопии наступила смерть оперируемой Р. Суд в оправдательном приговоре указал, что под ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей понимается совершение действий, которые полностью или частично не отвечают официальным требованиям, предписаниям, правилам данной профессии, исходящим из закона, других нормативных актов, правил и инструкций, тогда как факт совершения указанных действий Юрченко стороной обвинения не доказан²⁴⁹.

В данном случае уголовно-правовой запрет на совершение действий, указанных в ч. 2 ст. 109 УК РФ, установлен в целях охраны жизни человека. Жизнь, здоровье человека – это такие объекты, возможность посягательства на которые не зависит от правового положения субъекта преступления. Дополнительным объектом является порядок осуществления медицинской, врачебной деятельности. В то же время дополнительным объектом «считаются отношения, которые в данной норме защищаются

²⁴⁸Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 149.

²⁴⁹См.: Уголовное дело в отношении Юрченко [Электронный ресурс] : документы. Место расположения : г. Воронеж. Левобережный районный суд. Архив. URL: <http://levoberezhny.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 21.05.2013).

лишь попутно, т. к. они неизбежно нарушаются при посягательстве на основной непосредственный объект»²⁵⁰.

Несмотря на отсутствие у основного объекта посягательства специфики, другие элементы состава: субъект и объективная сторона – являются специальными в том смысле, что их характеристики имеют отдельное нормативное закрепление и вытекают из содержания должностных инструкций, штатных расписаний и иных нормативных актов. Именно профессиональный статус субъекта преступления, в силу которого он способен специфическим образом причинить вред жизни человека, вызывает необходимость в охране еще и регламентированного порядка его реализации. Иными словами, поскольку причинение вреда основному объекту опосредовано уголовно значимым статусом субъекта, постольку в поле уголовно-правовой охраны включается нормативно установленный порядок реализации этого статуса.

Таким образом, будучи закрепленным в качестве конструктивного (криминообразующего) признака состава, специальный признак субъекта позволяет решать задачи квалификации преступлений. Как отмечает В. К. Глистин, «субъектный состав отношений приобретает правовое значение: а) для конкретизации круга охраняемых нормой права отношений; б) для уяснения содержания отношений, поскольку социальные функции (социальный статус) лица указывают на сферу возможных или реальных связей и их характер»²⁵¹.

Вследствие этого вывод о совершении преступления специальным субъектом должен основываться на анализе признаков всех элементов состава, а не только на констатации дополнительных признаков субъекта, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. В приведенном выше примере характер последствия – смерть Р., обстановка совершения деяния – во время проведения операции, наличие профессионального статуса

²⁵⁰ Наумов А. В. Указ. соч. С. 151.

²⁵¹ Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. С. 34.

у Юрченко – врач-гинеколог – свидетельствуют, на первый взгляд, о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Вместе с тем вывод суда основан на сопоставлении совершенных Юрченко действий и положений его должностной инструкции.

Наконец, специальные признаки субъекта выполняют функцию дифференциации ответственности за совершение преступления. В теории сущность последней связывается с «достижением максимального учета при закреплении уголовно-правовых норм, дифференцирующих уголовную ответственность, степени и характера общественной опасности преступлений, определенных характеристик личности виновного»²⁵².

Исходя из изложенного и учитывая отдельные положения учения о составе преступления, можно сделать вывод о том, что преступление со специальным субъектом в целом характеризуется повышенной степенью общественной опасности. Исключением, соответственно, будет деяние, запрещенное нормой ст. 106 УК РФ. Рассуждения при этом строятся следующим образом. Признавая состав преступления в качестве системы, а его элементы – в качестве взаимосвязанных и взаимообусловленных ее частей, можно прийти к выводу о том, что в преступлении со специальным субъектом каждому из элементов состава свойственна определенная специфика, за счет чего происходит повышение его общественной опасности.

Функция дифференциации ответственности выражается не только в установлении различных мер ответственности за преступления со специальным и неспециальным субъектами, но и в делении составов преступлений со специальным субъектом на простые, квалифицированные и особо квалифицированные. В силу этого некоторыми учеными наряду со специальным субъектом выделялся конкретный, или конкретно-специальный,

²⁵²Рогова Е. В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30–32.

субъект преступления²⁵³. Этому соответствует высказанное в теории предложение об установлении более строгих мер ответственности для лиц, находящихся в родственных отношениях с несовершеннолетним потерпевшим и совершивших преступления против его половой свободы и неприкосновенности²⁵⁴.

Учитывая изложенное, можно предположить, что для специальных признаков субъекта преступления в равной степени характерно выполнение каждой из указанных функций: 1) функции определения оснований уголовной ответственности; 2) функции ограничения круга лиц, способных совершить конкретное преступление и подлежащих за это ответственности; 3) функции дифференциации ответственности в зависимости от содержания конкретного признака. В связи с выполнением указанных функций можно говорить об уголовно-правовом и криминологическом значении института специального субъекта преступления. При этом к функциям, обуславливающим уголовно-правовое значение, следует отнести функции определения оснований уголовной ответственности и ее дифференциации. В свою очередь, криминологическое значение связано, в частности, с ограничительной функцией, позволяющей определить место специальных признаков субъекта преступления в механизме совершения преступления.

Что же касается идентификационной функции, то выделение ее в качестве самостоятельной представляется излишним, поскольку в каждом случае установления ответственности за преступление со специальным субъектом подразумевается возможность и необходимость установления соответствия субъекта преступления законодательному описанию.

Функция ограничения круга лиц, способных совершить конкретное преступление и подлежащих за это ответственности, реализуется за счет того, что «эти лица вследствие занимаемого

²⁵³См., например: Лейкина Н. С. Указ. соч. С. 329; Орлов В. С. Указ. соч. С. 178–179; Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 59.

²⁵⁴Готчина Л. О квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних со специальным субъектом // Уголовное право. 2014. № 5. С. 42–43.

положения могут совершить такие преступления, которые не могут быть совершены другими лицами»²⁵⁵. Выделенная в качестве самостоятельной, указанная функция раскрывает механизм совершения преступления со специальным субъектом.

На наш взгляд, наиболее убедительно о реализации этой функции в преступлениях со специальным субъектом свидетельствуют выводы В. Н. Кудрявцева, сделанные при рассмотрении им механизма воздействия субъекта на объект посягательства – общественные отношения. Так, ученый выделил следующие три способа:

- лицо исключает или пытается исключить себя из числа участников общественного отношения;
- лицо не совершает тех действий, которые являются общественно необходимыми;
- лицо видоизменяет содержание общественного отношения, пытаясь придать ему несвойственный правопорядку характер²⁵⁶.

В каждом из указанных способов лицо обязательно должно выступать в качестве участника определенных общественных отношений посредством реализации возложенных на него прав и обязанностей, соответствующих характеру этих отношений. Поэтому в силу специфики некоторых объектов уголовно-правовой охраны – сфер общественной жизни – только действиями их участников могут быть вызваны преступные последствия в указанных сферах.

Таким образом, функции специальных признаков субъекта преступления позволяют связывать уголовно-правовое значение рассматриваемого института, во-первых, с установлением оснований уголовной ответственности, а во-вторых, с дифференциацией ответственности. При этом ст. 60 УК РФ обязывает суд при назначении наказания учитывать личность осужденного и некоторые другие обстоятельства, тем самым предоставляя возможность для индивидуализации уголовно-правового воздействия.

²⁵⁵ Лейкина Н. С. Указ. соч. С. 330.

²⁵⁶ Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 149.

Личность преступника входит в предмет криминологического изучения и является своеобразной социальной проекцией субъекта преступления. В качестве одного из структурных элементов личности преступника выступает социально-демографическая сфера, включающая в т. ч. характеристики положения личности в обществе: его статус и роль. Именно поэтому статусно-ролевые признаки одновременно учитываются законодателем при дифференциации ответственности и правоприменителем – при индивидуализации наказания.

Таким образом, уголовно-правовое значение статусно-ролевых признаков субъекта преступления выражается в их функциях, к которым относятся ограничительная, функция определения оснований уголовной ответственности (конструктивная или криминообразующая), функции дифференциации уголовной ответственности и ее индивидуализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Российская Федерация. Законы. Конституция : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. М., 2009. 21 января.

2. ООН. Правила. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). П. 4 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2019).

3. Российская Федерация. Кодексы. Уголовный кодекс: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ) // Рос. газета:

М., 1996. 18 июня; 19 июня; 20 июня; 25 июня

М., 2013. 26 июля.

4. Российская Федерация. Кодексы. Уголовно-процессуальный кодекс: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газета:

М., 2001. 22 декабря

М., 2013. 26 июля.

5. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27. 07. 2004 № 79-ФЗ // Рос. газета. № 162. 31.07.2004.

6. Российская Федерация. Законы. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : фед. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Рос. газета. М., 2011. 7 декабря.

7. Минздрав РФ, Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. Информационные письма. О применении ч. 3 ст. 20 УК РФ. М., 2004 [Электронный ресурс]: URL: <http://u-kurilskiy.sah.sudrf.ru> (дата обращения: 12.11.2019).

8. Верховный суд РФ. Постановления Пленума. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: от 9 декабря 2008 г. № 25 (в ред.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 22) // Рос. газета. М., 2008. 26 декабря.

9. Верховный суд РФ. Постановления Пленума. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: от 16.10.2009 г. № 19 // Рос. газета. М., 2009. 30 октября.

10. Верховный суд РФ. Постановления Пленума. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: от 01.02.2011 № 1 // Рос. газета. М., 2011. 11 февраля.

11. Верховный суд РФ. Постановления Пленума. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: от 07.04.2011 № 6 // Рос. газета. М., 2011. 20 апреля.

12. Верховный суд РФ. Постановления Пленума. О назначении судами Российской Федерации уголовного наказания: от 22.12.2015 № 58, п. 1 // Рос. газета. № 295. 29. 12. 2015.

13. РСФСР. Кодексы. Уголовный кодекс 1926 г. (утр. силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

14. РСФСР. Кодексы. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утр. силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

15. СССР. Законы. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : от 25.12.1958 (утр. силу) // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. ст. 6.

16. Наркомюст РСФСР. Постановления. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. от 12.12.1919 (утр. силу) // СУ РСФСР. 1919. № 66. ст. 590.

17. ВЦИК РСФСР. Постановления. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным кодексом Р.С.Ф. С. Р.): от 1 июня 1922 г. (утр. силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

Материалы судебной практики

18. Конституционный суд РФ. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафутдинова Игоря Мустакимовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10, статьей 22, примечанием к статье 131 и статьей 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: от 29.09.2015 № 1969-О // СПС «Консультант-Плюс»

[Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 01.11.2019).

19. Верховный суд Российской Федерации. Определение от 24.02.1998 // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lawmix.ru> (дата обращения : 21.10.2019).

20. Верховный суд РФ. Судебная коллегия. Определения. Определение от 06.11.2001 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2003. № 1. С. 19.

21. Верховный суд РФ. Судебная коллегия по делам военнослужащих. Апелляционное определение от 28.05.2019 по делу № 1-6/2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

22. Краснодарский край. Краснодарский краевой суд. Постановления. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции по уголовным делам по делу № 22-2369/19: от 17.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения : 20.10.2019).

23. Нижегородская область. Городецкий городской суд. Постановления. Апелляционное постановление по делу № 10-19/2019: от 29.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2019).

24. Уголовное дело в отношении Юрченко [Электронный ресурс]: документы. Место расположения: г. Воронеж. Левобережный районный суд. Архив. URL: <http://levoberezhny.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 21.05.2013).

25. Республика Дагестан. Бабаюртовский районный суд. Постановление по делу № 1-49/19: от 08.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.10.2019).

26. Саратовская область. Марксовский городской суд Постановления. Постановление по делу № 1-53/2019: от 08.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.10.2019).

27. Краснодарский край. Горячеключевский городской суд. Постановления. Постановление по делу № 1-82/2019: от 23.04.2019 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения : 19.10.2019).

28. Кировская область. Кировский областной суд. Приговор по делу № 22-822/2019: от 29.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2019).

Научная и учебная литература

29. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформы. СПб., 2001. 446 с.
30. Алексеева Л. В. Юридическая психология : учеб. пособие. М. : Проспект, 2010. 312 с.
31. Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси : монография. М. : Юридический институт МИИТа, 2006. 227 с.
32. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование. М., 2014. 368 с.
33. Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. 311 с.
34. Афанасьев В. Системность и общество. М., 1980. 368 с.
35. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права : части Общая и Особенная : в 2 т. Т. 1 : Часть Общая. СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп, 1865. 940 с.
36. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М., 1947. 364 с.
37. Вахмянина Н. Б., Вдовцев П. В., Гончаров Д. Ю., Казаков А. А. и др. Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними : науч.-практ. пособие. СПб., 2014, 439 с.
38. Владимиров В. А., Левицкий Л. В. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964. 59 с.
39. Военно-уголовное право : учебник / под ред. Х. М. Ахметшина, О. К. Зателепина. М. : За права военнослужащих, 2008. 383 с.
40. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право: Общая часть : конспекты лекций и иные материалы. Краснодар, 1999. 280 с.
41. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М., 1960. Т. 1: 1762–1825. 384 с.
42. Герцензон А. А. Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. 496 с.
43. Герцензон А. А. Основные положения УК РСФСР 1960 года. М., 1961. 60 с.
44. Герцензон А. А. Уголовный закон и личность преступника. М., 1968. 79 с.
45. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. 127 с.
46. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учеб. пособие. Владивосток, 1970. 132 с.

47. Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. 143 с.
48. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 243 с.
49. Иванов Н. Г. «Аномальный» субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности : учеб. пособие. М. : Закон и право, ЮНИТИ, 1998. 221 с.
50. Иванов Н. Г. Уголовное право России: Общая и Особенная части: учебник. М., 2003. 768 с.
51. Карагодина. СПб. : Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2014. 439 с.
52. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. 431 с.
53. Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. 599 с.
54. Козлов А. П. Понятие преступления. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 819 с.
55. Кон И. С. Социология личности. М., 1967. 383 с.
56. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 244 с.
57. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. 301 с.
58. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. 302 с.
59. Курс советского уголовного права : Т. 1: часть Общая: учебник / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. 648 с.
60. Курс уголовного права : учебник : в 5 т. Т. 1 : Учение о преступлении. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 1999.
61. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1 : Учение о преступлении. Общая часть: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. 611 с.
62. Лазарев А. М. Субъект преступления. М., 1981. 63 с.
63. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 128 с.
64. Макарова Т. Г. Уголовно-правовая характеристика соучастия в преступлении со специальным субъектом. СПб., 2002. 131 с.
65. Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. 384 с.

66. Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика): автореф. дис... д-ра юрид. наук 12.00.08 : [место защиты : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка генеральной прокуратуры Рос. Фед.]. М., 1995. 70 с.
67. Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве. Орел, 1994. 100 с.
68. Наумов А. В. Российское уголовное право: Общая часть : курс лекций. М., 1996. 560 с.
69. Немировский В. Г. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. М., 2008. 302 с.
70. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания. М., 2012. 378 с.
71. Никифоров Б. С. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Социалистическая законность. 1960. № 1. С. 12.
72. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. 260 с.
73. Орымбаев Р. Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977. 152 с.
74. Павлов В. Г. Субъект преступления. СПб., 2001. 318 с.
75. Панько К. А. Рецидив в советском уголовном праве : учеб. пособие. Воронеж, 1983. 120 с.
76. Подосенов О. П. Уголовное право России XVI–XVII веков. Понятие и виды преступлений. Красноярск, 2001.
77. Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980. 91 с.
78. Рашковская Ш. С. Субъект преступления / Советское уголовное право : часть Общая / под ред. М. А. Гельфер, П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М., 1960. Вып. 6. С. 6–7.
79. Рожнов А. А. История уголовного права Московского Государства (XIV–XVII вв.) : монограф. М., 2012. 509 с.
80. Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. 96 с.
81. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. 430 с.
82. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. 423 с.
83. Сизиков М. И. История государства и права России с конца XVIII до начала XIX века : учеб. пособие. М., 1998. 320 с.
84. Советское уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / Г. А. Кригер, А. В. Наумов, Ю. М. Ткачевский и

др.; под ред. Г. А. Кригера и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во МГУ, 1988. 367 с.

85. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Общая часть. М., 1994: Т. 1 – 419 с.; Т. 2 – 393 с.

86. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. 798 с.

87. Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М., 1946. 185 с.

88. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. 388 с.

89. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 363 с.

90. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2009. 720.

91. Уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / под ред. М. А. Кириллова, В. И. Омигова. Чебоксары, 2009. 400 с.

92. Уголовное право России: части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2009. 1184 с.

93. Уголовное право России : Общая часть : учебник / под ред. В. А. Вайпан, В. П. Ревин. М., 2010. 580 с.

94. Уголовное право: Общая и Особенная части : учебник / под ред. В. Ю. Малаховой. М., 2011. 749 с.

95. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.

96. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2013. 703 с.

97. Чебышев-Дмитриев А. О. О преступном действии по русскому, допетровскому праву. Казань, 1862. 242 с.

98. Щукина Г. И. Возрастные особенности школьника. Л. : Изд-во ЛГГТИ им. А. И. Герцена, 1955. 58 с.

Научные статьи и публикации

99. Агильдин В. В. Возраст как признак субъекта преступления // Сибирский юридический журнал. 2015. № 3 (70). С. 49–54.

100. Андрюхин Н. Г. Минимальный возрастной признак субъекта преступления нуждается в уточнении // Вопросы ювенальной юстиции. 2001. № 2. С. 20–23.

101. Арзуманян А. А. Историческое развитие понятия субъекта преступления в уголовном законодательстве России X–XVII веков // Вестник СГАП. № 5 (75). 2010. С. 124–127.

102. Варданян А. В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 244–251.

103. Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 13.

104. Габай П. Г. К вопросу о детерминации неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи // Российский следователь. 2014. № 2. С. 25–29.

105. Галахова А. В. Субъект преступления и его толкование в судебной практике // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 38–42.

106. Голубев В. Специальный субъект преступления // Советское государство и право. 1984. № 12. С. 7–8.

107. Горбатенко Г. В. Эволюция признаков субъекта преступления в первые годы Советской власти // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-1. С. 277–280.

108. Готчина Л. О квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних со специальным субъектом // Уголовное право. 2014. № 5. С. 42–43.

109. Долгова А. И. Преступление и личность преступника в свете изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 8.

110. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000. С. 12; Герцензон А. А. Пути развития Советской науки уголовного права за 30 лет // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 73–81.

111. Дьяков С. И., Шаблий И. В. Связь темперамента субъекта преступления с особенностями правонарушений // Психология и право. 2015. Т. 5. № 4. С. 26–39.

112. Загорский Г., Рубан А. По законам военного времени // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 19–21.

113. Зограбян Н. Ю. Влияние возрастного признака субъекта на квалификацию преступлений // Вектор науки ТГУ. 2010. № 1 (11). С. 104–109.

114. Караваева Ю. С. Дифференциация уголовной ответственности за преступления со специальным субъектом по Артикулу Воинскому 1715 г. и Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 4(35). С. 113–120.

115. Караваева Ю. С. Особенности дифференциации уголовной ответственности с учетом статусно-ролевого положения субъекта преступления по законодательству Советской России // История государства и права. 2019. № 12. С. 31–37.

116. Караваева Ю. С. Учет статусно-ролевого положения субъекта преступления в целях дифференциации уголовной ответственности по законодательству Московского государства (XIV–XVII вв.) // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия : Экономика и право. № 3. 2018. С. 555–560.

117. Карпец И. И., Ратинов А. Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 49.

118. Кибальник А. Г. Признаки общего субъекта преступления (проблемные вопросы) // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 65–68.

119. Короткова А. М., Шайхисламова О. Р. Признание юридического лица как субъекта преступления в уголовном законодательстве на примере зарубежных стран // Право и правоохранительная деятельность в России. Странах СНГ, Европейского Союза: законодательство и социальная эффективность : матер. V Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Саратов, 2018. С. 201–203.

120. Кузнецов А. А. Осознание общественной опасности использования лицом служебного положения при совершении хищений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1. С. 72–73.

121. Куприянов А. А. Возраст уголовной ответственности разумно снизить // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 10.

122. Лоба В. Е. Сравнительно-правовой анализ субъекта преступления по «Русской Правде» и УК РФ 1996 года // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 2. С. 82–87.

123. Лунеев В. В. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право: актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В. В. Лунеева. М., 2010.

124. Лысенко О. Ю. Философские истоки современного учения о субъекте преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. 2012. № 3 (21). С. 198–200.
125. Любавина М. А. Субъект преступления : учеб. пособие. СПб., 2014. 60 с.
126. Малинин В. Б., Попов В. В., Спасенников Б. А. К вопросу о субъекте преступления в уголовном праве // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 76–80.
127. Милюков С. Ф., Труфанов В. В. Рецензия на книгу Р. Орымбаева «Специальный субъект преступления» // Правоведение. 1980. № 3. С. 109–110.
128. Молчанов В. А., Анциферова Ю. С. Категории «вменяемость» и «невменяемость» в российском уголовном праве XIX – начала XX века // Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. 2013. № 3 (23). С. 4–8.
129. Номоконов В. А. О проблеме изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 5.
130. Пехтерев В. А. Вменяемость как признак субъекта преступления // Новости медицины и фармации. 2011. № 7 (361). С. 20–22.
131. Ромашов Р. А. К вопросу о понимании феноменов «преступление» и «субъект преступления» в современной российской юриспруденции // Вестник Самарского юридического института. № 1 (9). 2013. С. 7–9.
132. Ратинов А. Р. Личность преступника и проблема ценности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 101.
133. Рогова Е. В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30–32.
134. Спасенников Б. А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4. С. 19 – 22.
135. Спасенников Б. А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53–54). С. 37–43.
136. Спасенников Б. А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36–39.
137. Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. К определению понятия «вменяемость» в уголовном праве // Государство и право. 2008. № 6. С. 27–32.

138. Тарасова Ю. В. Специальный субъект преступления как элемент основных составов преступлений // Российский следователь. 2007. № 5. С. 36.

139. Тенчов Э. С. Общественная опасность личности преступника и основание специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Личность преступника и уголовная ответственность: межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. С. 98–106.

140. Утевский Б. С. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права // Советское государство и право. 1963. № 6. С. 45.

141. Фарсобина А. И. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Труды Института государства и права Российской Академии наук. 2007. № 3. С. 148–160.

142. Черкасов Л. Обсуждаются реформы уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 131–135.

143. Щепельков В. Ф. Субъект преступления: преодоление пробелов уголовного закона // Журнал российского права. 2002. № 2 (62). С. 60–65.

144. Щербаков А. В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 100–106.

Диссертации и авторефераты диссертаций

145. Аветисян С. С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: Теория и практика правового регулирования : автореф. дис. ... док. юрид. наук : 12.00.08 : защ. : 35.05.2005 : [место защиты : Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ] / Сержик Сергеевич Аветисян. М., 2005. 38 с.

146. Бачурин Э. А. Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 27.12.2005 : [место защиты : Краснояр. гос. ун-т.] / Эрнест Альбертович Бачурин. Красноярск, 2005. 228 с.

147. Демин С. Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 : защ. 19.12.2014 : [место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]/ Демин Сергей Геннадьевич. Ставрополь, 2014. 251 с.

148. Жуковский В. И. Субъект преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : [место защиты : Ставроп. гос. ун-т] / Жуковский Владимир Ильич. Ставрополь, 2002. 165 с.

149. Захарчук С. И. Неосторожные преступления со специальным субъектом: уголовно-правовое и криминологическое исследование : авто-

реф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 22.05.2007 : [место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т] / Сергей Иванович Захарчук. М., 2007. 27 с.

150. Караваева Ю. С. Специальный субъект преступления: криминологическо-правовой подход : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 5.10.2017 : [место защиты : Ом. акад. МВД РФ] / Юлия Станиславовна Караваева. Омск, 2017. 198 с.

151. Крюкова О. Ю. Специальный субъект в преступлениях, посягающих на нормальное функционирование органов и учреждений, реализующих лишение свободы, арест, содержание под стражей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защ. 11.11.2010 : [место защиты : Мос. гос. лингв. ун-т] / Ольга Юрьевна Крюкова. Вологда, 2010. 211 с.

152. Леонов Р. А. Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08 : защ. 21.01.2012 : [место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т] / Леонов Роман Анатольевич. М., 2011. 28 с.

153. Павлов В. Г. Субъект преступления: история, теория, практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Владимир Григорьевич Павлов. СПб., 2000. 405 с.

154. Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сергей Александрович Семенов. М., 1999. 209 с.

155. Тарасова Ю. В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : [место защиты : Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ] / Юлия Владимировна Тарасова. М., 2006. 195 с.

156. Устименко В. В. Специальный субъект преступления: понятие, виды, некоторые вопросы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Виктор Васильевич Устименко. Харьков, 1983. 174 с.

Справочная литература

157. Философский энциклопедический словарь. М., 2004. 1074 с.

Электронные источники информации

158. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС [Электронный ресурс] URL: http://www.nikitinskiy.ru/blog/avaria_na_sayano_shushenskoj_ges/2009-08-20-27 (дата обращения: 25.06.2015)

159. Затонул теплоход «Булгария» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/news/seealso/1918221.shtml> (дата обращения: 25.06.2015)

160. Кедрин А. Закончено следствие по факту аварии на Саяно-Шушенской ГЭС [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/06/27/reg-sibfo/ges-anons.html> (дата обращения: 01.02.2016)

161. Пожар в ночном клубе «Хромая лошадь». Хроника событий [Электронный ресурс]. URL: <http://prm.ru/pern/42659/> (дата обращения: 25.06.2015)

162. Потапова Ю. Обвиняемые по делу шахты «Ульяновская» признали вину частично [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/05/13/reg-sibfo/otnosheniye-anons.html> (дата обращения: 01.02.2016)

163. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845 [Электронный ресурс]: URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=1> (дата обращения: 18.11.2019).

164. Уголовное Уложение 1903 года. СПб. : Изд. В. П. Анисимова, 1903. С. 22. [Электронный ресурс]: URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003714958#?page=1> (дата обращения: 18.11.2019).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Виды специальных признаков субъекта преступления по УК РФ 1996 г.

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
1. Признаки субъекта, характеризующие его социальный статус и роль в сфере взаимоотношений с потерпевшим	
Мать новорожденного	Ст. 106
Материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного	ч. 2 ст. 120
Обязанность иметь об оставленном заботу	ст. 125
Родители	ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151, ст. 156, ч. 1 ст. 157
Иные лица, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего	ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151, ст. 156
Совершеннолетние трудоспособные дети	ч. 2 ст. 157
Заемные обязательства по договору кредитования	ч. 1, 2 ст. 159. 1, ст. 177
Правомочие на получение пособий, компенсаций, субсидий или иных социальных выплат	ч. 1–2 ст. 159. 2
Наличие права на получение страховой выплаты по договору страхования	чч. 1–2 ст. 159. 5
2. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в сфере осуществления служебной деятельности	
2.1. Признаки, характеризующие служебный статус и роль субъекта в коммерческих и иных организациях (служебное положение)	
Работодатель	ст. 145
Выполнение управленческих функций в коммерческой и иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением (руководитель организации (филиала, представительства, иного обособленного подразделения организации))	ст. ст. 145. 1, ч. 3 ст. 159. 1, ч. 3 ст. 159. 2, ч. 3 ст. 159. 5, 170. 1, 171 ²⁵⁷ , 172, 173. 1, 173. 2, ст. ст. 177, 178, 185. 4, 185. 5, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 199. 2, 201, ч. 3, 4 ст. 204, ч. 1 ст. 204. 2, ст. 304
Индивидуальный предприниматель	ст. 145. 1, 171, ч. 1 ст. 176, ст. ст. 178, 195, 196, 197, 199. 2

²⁵⁷Отнесение лица, фактически осуществляющего предпринимательскую деятельность в нарушение действующего законодательства о регистрации и лицензировании, к специальным субъектам преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, в науке является спорным вопросом. Мы склонны поддержать позицию авторов, решающих этот вопрос положительно (см., например: Яни П. С. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. М., 2001. С 33; Мурадов Э. Признаки специального субъекта как критерий классификации преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2003. № 4. С. 51–52).

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
Обязанность по внесению информации в проспект ценных бумаг, утверждению или подтверждению проспекта или отчета, размещению ценных бумаг	ст. 185
Обязанность по внесению информации в проспект ценных бумаг, утверждению или подтверждению проспекта или отчета, размещению ценных бумаг	ст. 185
Обязанность по раскрытию информации о ценных бумагах	ст. 185. 1
Обязанность по совершению операций, связанных с учетом прав на ценные бумаги	чч. 1–2 ст. 185. 2
Обязанность по внесению сведений в реестр владельцев ценных бумаг	ч. 3 ст. 185. 2
2.1. Признаки, характеризующие служебный статус и роль субъекта в коммерческих и иных организациях (служебное положение)	
Обязанность по соблюдению законодательства о запрете манипулирования рынком	ст. 185. 3
Учредитель (участник) юридического лица	ч. 2 ст. 195; ст. ст. 196, 197
Налоговый агент	ст. 199. 1
Собственник организации	ст. 199. 2
Капитан судна	ст. 270
Осведомленность о сведениях, составляющих государственную тайну, в связи с доверенностью их лицу или в связи со службой	ч. 1 ст. 283
Руководство деятельностью на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации	ст. 284. 1
Служба в кредитной организации	ст. 312
Вверение имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации	ст. 312
Служба в коммерческой или иной организации	ст. 315

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
2.2. Признаки, характеризующие служебный статус и роль в государственных и муниципальных структурах: 2.2.1. Субъекта, занимающего должностное положение в сфере государственной гражданской, военной и правоохранительной службы	
Выполнение функций представителя власти или организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций (должностное лицо) в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.	ст. ст. 140, 149, 169, 170, 215. 1, 237, п. «а» ч. 2 ст. 243. 3, ст. 285–287, 289–290, 291. 2, 292–293, 315; ч. 2 ст. 354
Представитель работодателя	ст. 145
Прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судья	ст. ст. 299–302, ч. 2 ст. 303, ст. 305
Наличие российского гражданства и осведомленность о сведениях, составляющих государственную тайну, в связи с доверенностью их лицу или в связи со службой	ст. 275
Уполномочивание на проведение оперативно-розыскных мероприятий	ч. 4 ст. 303
Осведомленность о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, присяжного заседателя, иного участника правосудия	ст. 311
Сотрудник учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества	ч. 1 ст. 321
Представитель начальствующего состава (начальник)	ч. 2 ст. 336
Командир военного корабля	ст. 345
2.2.2. Признаки субъекта, занимающего недолжностное положение в сфере государственной гражданской, военной и правоохранительной службы	
Обязанность хранить тайну усыновления (удочерения) в связи со службой	ст. 155

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
Член избирательной комиссии, комиссии по проведению референдума	ч. 2 ст. 141. 1, ст. 142
Государственный служащий или служащий органа местного самоуправления, не относящиеся к должностным лицам	ст. ст. 288, 292, 292. 1, 315
Осведомленность о сведениях, составляющих государственную тайну, в связи с доверенностью их лицу или в связи со службой	ч. 1 ст. 283
Осведомленность о мерах безопасности в отношении судей, присяжных и иных участников уголовного процесса в связи со служебной деятельностью	ст. 311
Прохождение военной службы по призыву либо по контракту, пребывание в запасе во время прохождения военных сборов	ст. ст. 332–352
3. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта, не обладающего должностными полномочиями в судопроизводстве, включая исполнение наказаний	
Участие лица в рассмотрении гражданского дела в суде	ч. 1 ст. 303
Полномочия по представительству лица, участвующего в рассмотрении гражданского дела в суде	ч. 1 ст. 303
Свидетель	ст. ст. 307, 308, 310
Потерпевший	ст. ст. 307, 308, 310
Эксперт	ст. ст. 307, 310
Специалист	ст. ст. 307, 310
Переводчик	ст. ст. 307, 310
Отбывание наказания или нахождение в предварительном заключении	ст. 313, ч. 2–3 ст. 321
Осуждение к ограничению свободы	ч. 1 ст. 314
Осуждение к лишению свободы	ч. 2 ст. 314
Обязанность подвергнуться принудительным мерам медицинского характера	ч. 3 ст. 314
Установление административного надзора	ст. 314. 1
4. Признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в связи с профессией или родом деятельности 4.1. Специальные признаки субъекта, характеризующие социальный статус и роль в связи с профессией или родом деятельности, в умышленных преступлениях	
Отсутствие высшего медицинского образования соответствующего профиля	ч. 1 ст. 123

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
Член инициативной группы, уполномоченный представитель избирательного объединения, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума, кандидат или его уполномоченный представитель	ч. 2 ст. 141. 1, ст. 142
Педагогический работник	ч. 2 ст. ст. 150 и 151, ст. 156
Работник образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанный осуществлять надзор за несовершеннолетним	ст. 156
Обязанность по выплате страхового возмещения	ст. 159. 5
Обязанность по обеспечению сохранности вверенного имущества	чч. 1–2 ст. 160
Кадастровый инженер	ст. 170. 2
Обязанность по соблюдению правил изготовления и использования государственных пробирных клейм	ст. 181
Обязанность по неразглашению и неиспользованию сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, ставших известными в связи со службой или работой	ч. 2 ст. 183
Спортсмен	ч. 3 ст. 184
Спортивный судья, тренер, руководитель команд, другой участник профессиональных спортивных соревнований, организатор профессиональных спортивных соревнований, организатор зрелищных коммерческих конкурсов, член жюри зрелищных коммерческих конкурсов	ч. 4 ст. 184, ст. 230. 2
Наделение правом ведения внешнеэкономической деятельности	ст. 189
Обязанность возвратить на территорию Российской Федерации предметы художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран	ст. 190
Обязанность по соблюдению правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней	ст. 192
Физическое лицо, обязанное уплачивать таможенные платежи	ст. 194
Налогоплательщик	ст. 198
Частный нотариус	ст. 202

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
Частный аудитор	ст. 202
Частный детектив	ст. 203
Работник частной охранной организации, имеющий удостоверение частного охранника	ст. 203
Специалист по спортивной медицине, иной специалист в области физической культуры и спорта	ст. ст. 230. 1, 230. 2
Исполнитель земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа)	ст. 243. 3
Обязанность по соблюдению правил охраны окружающей среды при производстве работ	ст. 246
Обязанность по соблюдению правил обращения экологически опасных веществ и отходов	ч. 1–2 ст. 247
Обязанность по соблюдению правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами	ч. 1 ст. 248
Обязанность по соблюдению правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов	ч. 1 ст. 251
Обязанность по соблюдению правил захоронения или сброса вредных веществ и материалов	ч. 1–2 ст. 252
Обязанность по соблюдению законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации при осуществлении производственной или поисковой деятельности	ст. 253
Обязанность по соблюдению правил обращения с опасными химическими или биологическими веществами	ч. 1–2 ст. 254
Обязанность по соблюдению правил охраны и использования недр	ст. 255
Обязанность по соблюдению правил охраны водных биологических ресурсов	ст. 257
Обязанность по соблюдению правил международных полетов	ст. 271
Обязанность по соблюдению правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей	ст. 274

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
Обязанность неразглашения государственной тайны, которая стала известна или доверена по работе или учебе	ч. 1 ст. 283
4.2. Специальные признаки субъекта, характеризующие социальный статус и роль в связи с профессией или родом деятельности, в неосторожных преступлениях	
Отсутствие высшего медицинского образования соответствующего профиля	ч. 3 ст. 123
Наличие профессиональных обязанностей	ч. 2 ст. ст. 109 и 118, ч. 4 ст. 122
Обязанность оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правилом	ст. 124
Обязанность по соблюдению правил техники безопасности или иных правил охраны труда	ст. 143
Обязанность по соблюдению правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики	ч. 2 ст. 215
Обязанность по соблюдению правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ	ст. 216
Обязанность по соблюдению правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах	ст. 217
Обязанность по соблюдению требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса	ст. 217. 1
Обязанность по соблюдению правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий	ст. 218
Обязанность по соблюдению требований пожарной безопасности	ст. 219
Обязанность по соблюдению правил хранения огнестрельного оружия	ст. 224
Обязанность по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств	ст. 225
Обязанность по соблюдению правил оборота наркотических средств или психотропных веществ	ст. 228. 2
Обязанность по соблюдению правил оборота сильнодействующих или ядовитых веществ	ч. 4 ст. 234

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
Отсутствие лицензии на занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью	ст. 235
Обязанность по соблюдению санитарно-эпидемиологических правил	ст. 236
Обязанность по соблюдению правил обращения экологически опасных веществ и отходов	ч. 3 ст. 247
Обязанность по соблюдению правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами	ч. 2 ст. 248
Обязанность по соблюдению ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений	ст. 249
Обязанность по соблюдению правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов	чч. 2–3 ст. 251
Обязанность по соблюдению правил захоронения или сброса вредных веществ и материалов	ч. 3 ст. 252
Обязанность по соблюдению правил обращения с опасными химическими или биологическими веществами	ч. 3 ст. 254
Обязанность по соблюдению правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена	ст. 263
Обязанность по исполнению требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах	ст. 263. 1
Обязанность по соблюдению правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	ст. 264
Обязанность по обеспечению надлежащего технического состояния транспортных средств	ст. 266
Обязанность соблюдать правила, обеспечивающие безопасную работу транспорта, участником дорожного движения (пассажиром, пешеходом)	ст. 268
Обязанность по соблюдению правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов	ст. 269
Обязанность по соблюдению правил использования воздушного пространства Российской Федерации	ст. 271. 1

Специальный признак субъекта, описанный в диспозиции статьи Особенной части УК РФ	Статья Особенной части УК РФ
Обязанность неразглашения государственной тайны	ч. 2 ст. 283
Обязанность по соблюдению правил обращения с документами и предметами, содержащими государственную тайну	ст. 284
5. Специальные признаки, характеризующие социальный статус и роль субъекта в связи с противоправной деятельностью	
Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии	ч. 4 ст. 210 , ст. 210. 1
Наличие судимости за ранее совершенные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего	ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135
Привлечение лица к административной ответственности	ст. ст. 116. 1, 158. 1, 264. 1, 284. 1
Наличие судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст. 204-204. 2 УК РФ	ч. 2 ст. 204. 2